

ИЗ НЕИЗДАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА

Предисловие В. Адоратского

Примечания К. Сидорова

О ПИСЬМАХ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. МИХАЙЛОВСКОМУ*

Письма Н. Е. Федосеева, печатающиеся здесь, представляют громадный интерес и теоретический, и исторический. Это как раз письма того именно марксиста, с которым полемизировал Н. Михайловский в «Русском Богатстве». Первое письмо, написанное в ноябре 1893 г., Н. Михайловский цитировал в январской книжке «Русского Богатства» за 1894 г. В царской России легально такие письма конечно не могли быть напечатаны. Теперь они печатаются наконец полностью, почти сорок лет спустя после того, как они были написаны.

Н. Е. Федосеев был, по словам Ленина, «одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению». Он был выдающимся деятелем, умевшим сочетать революционную теорию с революционной практикой, без чего не может быть марксизма, а бывает струвизм, брентанизм, каутскианство и т. п. оппортунистическое извращение марксизма, ничего общего с подлинным марксизмом не имеющие.

Выдвигая центральным пунктом всех программных требований социализм, Федосеев дает характеристику основных задач, поставленных революционным марксизмом, и условий их осуществления; гегемония пролетариата, руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, диктатура пролетариата, уничтожение классов, создание бесклассового общества на основе развития крупного машинного социалистического производства, международный характер движения.

Для современного читателя иногда могут показаться странными устарелые, а иногда и не вполне правильные выражения и формулировки, встречающиеся местами в письмах.

Например Федосеев называет марксистскую теорию «позитивной формулой прогресса», выражение, обычное у писателей-народников 70—80-х годов; употребляет, вслед за Михайловским, неправильный термин «экономический материализм», не давая ему отпора, как это сделал Ленин в «Что такое друзья народа?» (см. Соч., т. I, стр. 70), так как такое название исторической теории неправильно суживает, а потому и извращает историческую теорию Маркса — исторический материализм; в одном месте говорится, что «психология, как и физиология и т. п. науки, не имеют классового характера»; при ссылке на буржуазных историков типа Гиббинса и Эшли не дается их критика. Такие места нельзя не отметить, как неудачные. Но в основном установка писем правильная. Развиваемые в них взгляды не оставляют никаких сомнений в том, что их писал революционер и материалист. В письмах и подчеркнут классовый характер теории отчетливо и ярко; выдвинута историческая задача пролетариата «как авангарда революционной армии». Федосеев дает например такую формулировку задач рабочего класса: «Овладевание рабочим классом орудиями и средствами обобществленного про-

* Письма Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому, предоставленные Институтом Маркса-Энгельса-Ленина, печатаются одновременно в № 1 «Пролетарской Революции» 1933 г. Предисловие В. В. Адоратского и примечания К. С. Сидорова печатаются с разрешения редакции «Пролетарской Революции».

изводства; уничтожение социальных классов; уничтожение государственной власти (которой все-таки в качестве «диктатуры пролетариата» в той или иной форме будет принадлежать роль повивальной бабки при появлении на свет нового общественного строя); объединение пролетариата всего мира». Таковы, согласно формулировке Федосеева, «важнейшие из законов, установленных научным социализмом».

Подробных биографических данных о Н. Е. Федосееве не сохранилось. Личная жизнь сложилась для него трагически, и, не видя выхода, он кончил самоубийством. Но те немногие данные, которые дошли до нас, характеризуют его как выдающегося представителя марксистского направления в России в период его зарождения.

Н. Е. Федосеев родился в 1871 г. Начав свою деятельность со школьной скамьи в г. Казани, Федосеев вскоре подвергается преследованию полиции и исключается из гимназии. Он продолжает руководить деятельностью революционных кружков, в одном из которых участвует и Ленин. В августе 1889 г. он арестовывается, а затем следует скитания его по тюрьмам и ссылкам во Владимире, Сольвычегодске и Верхотуренске, где в июне 1898 г. трагически обрывается его жизнь из-за гнусных интриг против него со стороны части ссыльных.

До сих пор не разыскан ряд объемистых литературных трудов Н. Е. Федосеева. Самый ценный труд Н. Е. Федосеева — работа, посвященная вопросу падения крепостного права в России, — по видимому безвозвратно погиб. Также до сих пор не были известны и публикуемые здесь письма к Михайловскому, по поводу которых и установилась регулярная переписка Ленина с Федосеевым.

Эту связь с Федосеевым Ленин продолжал поддерживать до конца его жизни, принимая с товарищами по ссылке ряд шагов по постановке ему памятника.

При издании Испартом в 1922 г. сборника о Федосееве Ленин написал специальную заметку о нем, где в следующих строках подчеркивал то выдающееся значение, которое имел Федосеев: «Для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера» (см. Соч., т. XXV, стр. 337).

В. Адоратский

I. [ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. МИХАЙЛОВСКОМУ]

1

Владимир Губ[ернский] 8 ноября [1893 г.]

Милостивый государь, Николай Константинович! Я решил написать Вам нижеследующие строки под живым впечатлением от только что прочитанного мною Вашего очерка в октябрьской книжке «Русск[ого] Богатства».

Я желал бы высказать Вам мое глубокое удивление относительно затемнения и искажения Вами одного обстоятельства...

Собственно писать Вам это частное письмо, — я должен сказать это откровенно, — мне неприятно после того, как Вы (в рецензии на «Судьбы капитализма» в Отеч[ественных] Зап[исках] за 1883 г.) высказали свое мнение о «русских марксистах» в таких «нелитературных» выражениях¹.

С тех пор много воды утекло, и Вы, если не ошибаюсь, в минувшем году опять вернулись к «марксистам», но ведете к ним речь уже в приличных выражениях, — к этому, мне думается, были внешние побудительные обстоятельства (какие — здесь говорить не место), а совсем не то, чтоб Вы изменили свое мнение о «русских марксистах» и сознали необходимость отнестись к ним добросовестнее...

Но многое высказанное Вами в последнем очерке заставило меня побороть свое неприятное чувство, возникающее при личном частном обращении к Вам.

Итак, видите, я — «русский марксист» и, притом, оскорбленный Вами!

Владимира Туг
8 ноября

Милостивый Государь, Николай Константинович!
Я решил написать Вам конфиденциальное письмо
под псевдом в надежде избежать оттолкновения
прогностического мною Вами очерка в октябрь-
ской книжке "Русск. Богатства". ...
и желаю бы высказать Вам мое глубокое
удовольствие откровенно заглаженным и выска-
зать Вам одного обстоятельство...

Собственно писал Вам это газетное письмо,
— я должен сказать это откровенно, и не
неприятно, хотя то, как Вы в редак-
ции ка. "Будды капитализма", в "Воскр. Зап. за. Вост."
высказали свое мнение о "русских морехо-
дствах" в "Жизни", не литературных "вопросах".

С тех пор португальского воды утонуло,
и Вы, — если не ошибаюсь, в литературе

В последнем этюде Вы говорите, что «в общем совершенно разделяете мнения г. В. В. насчет русских марксистов». Это единственный предмет, где Вы сходитесь с В. В.³

Вы утверждаете перед Вашими читателями, что русские «марксисты» прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве»⁴.

От каких это русских марксистов Вы слышали или где в их произведении читали, что они прямо или даже косвенно настаивают на лишении хозяйственной самостоятельности работника (крестьянина и кустаря)?! Несколько ниже Вы сами стараетесь вразумить г. В. В., что «процесс, которого г. В. В. ждет в более или менее отдаленном будущем, в зависимости от «каких-то прогрессивных подвигов интеллигенции», происходит сейчас, перед его глазами...» Этот процесс заключается в том, что масса крестьянства «раскрестьянивается», «что крестьянское хозяйство уже в течение многих лет падает, что деревня раскалывается на два слоя, выделяя богатых кулаков, держащих под своей грубой пятой остальное население деревни, что это последнее утрачивает «самостоятельное положение в производстве».

Следовательно, при чем же тут, в этом процессе, «прямое настаивание» марксистов на лишении крестьянина и кустаря хозяйственной самостоятельности в производстве?

Если на Руси уже налично пролетариат и буржуазия, то этот факт неизбежно должен был вызвать к жизни марксистов. Следовательно русский пролетариат и русские марксисты — явления одинаково реальные и появление первого вызвало появление вторых, а совсем не наоборот.

При существующих исторических условиях антагонистическое отношение пролетариата к буржуазии не выражается в непосредственной форме классовой борьбы, встречая на этом пути препятствие в некоторых существующих общественных формах... Но сущность дела от этого нисколько не изменяется: для марксистов вполне ясно, что борьба пролетариата против буржуазии не может иметь (в настоящий момент) характера, так сказать, непосредственной политической борьбы — это с каждым годом становится яснее и пролетариям. Следовательно, отношения пролетариата к буржуазии на Руси сложнее: сложнее, поэтому, и задачи, которые он должен поставить себе для ближайшего разрешения. В этом существенное различие деятельности «русских марксистов» от деятельности западноевропейских и американских социал-демократов.

Русские марксисты стремятся стать социал-демократами; они не достигнут этого, не произведя существенного изменения в политическом смысле... А в этом случае Вы могли бы обнаружить большую общность цели у себя с марксистами, нежели с г. Пыпиным...⁵

Быть может думают, что марксисты русские «мнят себя титанами», предполагают стяжать себе лавры среди более густых рядов пролетариата, чем теперь, и именно в этих видах «прямо настаивают» на экспроприации крестьян и кустарей. Такое убеждение «печально и даже неосновательно», если его высказывают люди, подобные Вам! Не только марксистам хорошо известен факт, что около 5 млн. взрослых рабочих на Руси не имеют и не могут найти работы, т. е. составляют громадную армию «незанятого пролетариата», это раскрестьянившиеся крестьяне наполняют города «в поисках за работой и зачастую находят там вместо работы голодный тиф, холеру» и тюрьму.

В настоящий момент первоначального капиталистического накопления, когда индустриальный капитализм только что организуется, а капитал

в деревне, что масса крестьянства раскрестьянивается: крестьянское хозяйство уже превращается в хозяйство наемного труда; деревня раскалывается на два слоя, богатая и бедная кулаков, державших под своим тенью огромное население деревни; село постепенно утрачивает „самостоятельное бытие“ и превращается в „пригород“.

Следовательно, при этом уже идет, в самом процессе, „прямое насаждение марксизма на мышление крестьянина и кулака — хозяйственное самостоятельное развитие“?

Если на Руси уже начался пролетариат и буржуазия, то этот факт неизбежно должен быть выведен из учения марксизма. Следовательно, русский пролетариат и русские марксисты — явление одноклассовое реально и появление первого вызвано появлением второго, а следовательно не наоборот — Присущее существующим историческим условиям — antagonистическое отношение пролетариата —

ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВА К Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
ОТ 8 НОЯБРЯ 1893 г.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва

орудует главным образом на поприще обмена—экспроприируемому в огромных массах сельскому населению предстоит не «в фабричном котле вывариться», а погибнуть от голода и болезней. Это хорошо известно русским марксистам.

А Вы предполагаете, что мы, русские марксисты, спокойно и даже радостно взираем на эти ужасы, что мы даже прямо настаиваем на дальнейшем разорении деревни...

Помилуйте!.. Это Вам просто кажется (извините!) вследствие недостаточного знакомства с научным социализмом вообще и русской социал-демократической (марксистской) литературой в частности, что будто мы, русские марксисты, неизбежно должны, если хотим остаться верны нашей западной теории, думать и стремиться к этому...

Я могу уверить Вас за себя и—без уполномочия—за большинство моих товарищей, считающих себя адептами марксизма, что нас до глубины души возмущает подобное... обвинение, основанное у Вас на непонимании нашей идеи. Мы, идеологи трудящегося класса, и в качестве марксистов особенно, всеми нашими собственными силами и силами той фракции, интересы которой мы пытаемся выразить и защитить, будем стремиться к тому, чтобы уменьшить ряды безработного пролетариата посредством превращения членов его (босяков), насколько это будет возможно, в самостоятельных хозяев и будем высказываться за то, чтобы неизбежный (при современных исторических условиях) процесс разорения деревни был хотя бы ослаблен.

Марксисты предполагают, что процесс исчезновения крестьянского хозяйства все-таки будет совершаться, пока базисом его будет индивидуальный труд, что капитализму и на Руси предстоит выполнить ту же историческую миссию, какую он выполняет на Западе.

И в этом между марксистами и Вами—все разногласие, но исключительно теоретического характера.

Может быть марксисты ошибаются; может быть те практические меры, которые будут приняты для улучшения крестьянского хозяйства, совершенно остановят или даже замедлят дальнейшее развитие капитализма, в таком случае окажется, повторяю, что марксисты ошиблись. Но это покажет только дальнейшая эволюция социальных отношений. А пока ничто не заставляет марксистов думать, что они ошибаются. Базисом для деятельности марксистов служат развивающиеся материальные условия производства, поэтому между марксистами и Вами не может быть разногласий в настоящих, ближайших практических задачах.

Где же источник Вашей уверенности, что марксисты радуются разорению деревни, и убеждения, что они должны прямо настаивать на этом разорении?

Я уверен, что Вы не могли сказать этого, основываясь на фразе Н. И. Зибера: «Из русского мужика не выйдет никакого толку, пока он не выварится в фабричном котле»⁴.

Эта фраза, очевидно—теоретическое предположение, основанное на твердом убеждении, что при известных общественных отношениях, при существовавших на Руси общественных силах, в результате бедствия которых совершилась реформа 19 февр[аля] со всеми ее экономическими и проч[ими] последствиями,—что при этих отношениях и силах Россия обязательно пройдет через стадию капитализма (т. е. частновладельческих капиталистических форм), следовательно «русский мужик выварится в фабричном котле» и из него тогда только выйдет известный толк, в смысле, который придавал этому слову Н. И. Зибер.

Н. И. Зибер во многом оказался прав... Еще менее дает повод к цитированному выше Вашему утверждению новейшая русская социал-демократическая (марксистская) литература... Но дыму без огня не бывает. Мне самому известен следующий факт. «Оренбургские» марксисты, как я слышал, разражались гневом против молодежи, отправлявшейся в деревню «кормить крестьян», оренбургские марксисты убеждали, что кормить крестьян — значит «препятствовать процессу созидания капитализма». Я склонен думать, что подобный же абсурд дал Вам повод отождествить «русских марксистов» с «рыцарями накопления»...

Но я не могу допустить предположения, что такой развитой и умный человек, как Вы, глупости оренбургских студентов и каких бы то ни было других лиц, именующих себя «марксистами», стали бы распространять вообще на русский марксизм, будто бы неизбежно приводящий своих adeptов к подобным преступным мыслям¹.

В заключение я желал бы, чтоб при дальнейшем изложении Вашего мнения о марксистах было указание на то, что взгляд на русскую действительность, высказанный Марксом и Энгельсом в 1883 г., существенно изменился у Энгельса при его ближайшем знакомстве с Россией (его статья в «Neue Zeit» 1892 г.)². — Остаюсь с полнейшим уважением к Вам

Н. Ф[едосеев].

Мой адрес: Владимир Губ[ернский]. Марин Германовне г-же Гопфенгауз. До востребования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автор письма имеет в виду несколько иронических замечаний Михайловского о том, что точка зрения марксистов о конце миссии капитализма — дело отдаленного будущего, «забота наших внуков и правнуков». Указав затем на мнение Зибера, высказанное им Михайловскому лично, что «пока мужик не выварится в фабричном котле, из него никакого проку не будет», Михайловский пишет: «Марксисты, как и прочие, знают, что вываривание в фабричном котле ведет за собой не только гипотетически благотворительное «обобществление» труда, а и многие другие, заведомо неблагоприятные последствия, тем более неблагоприятные, что влияние их отражается на целых поколениях. Таковы болезни, разврат, вырождение». Отсюда, по его мнению, марксисты — поборники за указанное зло (см. «Отечественные Записки» 1883 г., кн. 7, стр. 107).

² За исключением слова «погибнуть», подчеркнутого Федосеевым, подчеркивания простым карандашом в подлиннике этого письма видимо сделаны самим Михайловским при чтении письма. Об этом свидетельствует тот факт, что как раз эти места данного письма нашли отражение в его статье «Литература и жизнь» (см. «Русское Богатство», кн. 1, 1894 г.).

³ В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847—1917), одного из главных теоретиков народничества 60—90-х годов. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономики» (1895). В. В. решительно выступал против марксизма и был объектом критических статей многих первых марксистов в России. Владимир Ильич много уделал внимания критике взглядов В. В. Одной из первых работ Владимира Ильича, написанной им в самарский период его жизни, был реферат под заглавием «Обоснование народничества в трудах г. В. В.» (см. Соч., т. I, стр. 561; т. II, стр. 649).

⁴ Автор письма имеет в виду следующее место из статьи Михайловского: «Сюда относятся, во-первых, полемика с нашими так называемыми «марксистами» или «социал-демократами». Об этой полемике по обширности предмета я сегодня не успею говорить. Замечу лишь во избежание недоразумений, что в общем я совершенно разделяю мнение г. В. В. на этот счет. Я думаю, однако, что отвергнуть русский марксизм еще не значит объявить себя народником, что для нас вовсе не обязательно выбирать между этими двумя доктринами. Марксисты прямо настаивают на необходимости разрешить нашу «экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве», и г. В. В. протестует против «подвиготов» такого прямого воздействия на существующий экономический строй» (см. «Русское Богатство», кн. 10, 1893 г., стр. 138). Возмутительной клеветой на марксистов назвали эту мысль Михайловского авторы коллективного письма ему за подписью «Марксисты». Об этих письмах см. «Былое», кн. 23 за 1924 г.

⁵ Пыпин, А. Н. (1833—1904) — историк литературы. В своих работах отражал взгляды либеральной буржуазии раннего периода, когда ей еще было свойственно увлечение народностью, народом и его творчеством. Автор больших трудов по истории русской литературы и «Общественного движения при Александре I».

⁶ Зибер, Н. И. (1844—1888) был одним из первых популяризаторов и пропагандистов экономического учения Маркса в России, что сыграло большую роль в деле распространения марксизма вообще и проникновения марксизма в университетскую среду в особенности. Сам лично Зибер марксизм воспринял односторонне: революционно-критическая сторона учения Маркса осталась ему непонятна и чужда (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 516 и т. II, стр. 652).

⁷ В переписке Ленина с Федосеевым, относящейся ко времени после появления статьи Михайловского в первой книжке «Русского Богатства» 1894 года, несомненно одной из тем был вопрос о тактике марксистов в деле помощи голодающим; см. статью И. Зильберштейна «Хронология и содержание переписки Ленина с Н. Е. Федосеевым». — «Каторга и Ссылка» 1930, № 1.

⁸ Н. Е. Федосеев имеет в виду следующее место статьи. Фр. Энгельса в «Neue Zeit» за 1891/92 г., т. I, «Социализм в Германии»: «Das alte Russland ging unwiederbringlich zu Grunde an dem Tag, wo der Zar Nikolaus, an sich und an Altrossland verzweifeln Giftnahm. Auf seinen Ruinen baut sich auf das Russland der Bourgeoisie». («Старая Россия ушла безвозвратно в могилу в тот день, когда царь Николай, разуверившись в себе и старой России, принял яд. На нее развалинах воздвигается буржуазная Россия».)

2

Сольвычегодск,

10 марта 1894 года

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я должен извиниться перед Вами. В своем письме, подписанном Н. Ф., я говорил, что мне неприятно обращаться к Вам с «личным частым письмом»*, потому что я, причисляющий себя к столь ненавистным Вам «русским марксистам», чувствовал себя оскорбленным Вашими «нелитературными» выражениями насчет русских марксистов. С противником, который бранится, толковать, конечно, неприятно, особенно приватным образом. Но тут произошло в высшей степени досадное недоразумение; я не имел тогда повода так относиться к Вам. Я имел полную уверенность, что слова («один, два тупоголовых эпигона Маркса — рыцари накопления, с которыми толковать много нечего»), делавшая неприятным для меня личное частное обращение к Вам, сказаны именно Вами¹. Письмо к Вам я писал на-соро, накануне принудительного путешествия в область «тотемской морошки». Свою ошибку я обнаружил лишь в арестантском вагоне, когда исправить ее уже не мог.

Мне в высшей степени больно и тяжело, что я совершенно без всякой вины с Вашей стороны оскорбил Вас.

Но «тон делает музыку», как Вы сами говорите; и только это я могу привести в оправдание своего во всяком случае грубого отношения к Вам. Тон Ваших литературных нападений на марксистов, действительно, делал возможным мою ошибку...

Теперь дозвоьте мне сказать Вам несколько слов в ответ на Вашу филиппику в январской книжке «Русск[ого] Бог[атства]». — Вы полагаете, что народение и размножение за последнее время русских марксистов объясняется очень просто тем, что «понижился на Руси уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости; что протускли идеалы, выступили разочарования»*. Имею уверенность, что в этом объяснении причин Вы ошибаетесь. Я не встречал такой страстной жажды знаний, такой энергии критической мысли и такой отзывчивости к злобам дня, какие господствуют в марксистских кружках. Идеалы этих кружков горят ярко; стремление к практической деятельности очень велико. Мало только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретиче-

* Здесь и в следующих письмах подчеркивания рукою Н. Е. Федосеева.

ская работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву; только тогда явится возможность выработки научно-определенной единой программы практической деятельности. А пока отдельные, хотя и многочисленные, попытки деятельности отличаются несистематичностью, имеют эпизодический характер в силу тех политических условий, которые тяготеют над русским рабочим классом, и его идеологиями в частности, и вообще над русским трудовым населением. Эти попытки, не принося тех результатов, какие они могли бы иметь при систематичной единодушной, организованной деятельности, именно показывают, думается мне, что у русских марксистов теория с практикой не расходится, что стремление к живому делу одушевляет их.—Это неблагоприятное положение вещей должно существенно измениться к лучшему с возникновением объединенной деятельности. А выяснение теоретических начал нашего мировоззрения и выработка программы практической деятельности—настоятельнейший вопрос минуты.

В чем же состоит наша деятельность и какие ближайшие ее цели?

Вот вопросы, на которые я пытаюсь дать ответ, желая возможно полнее познакомить Вас с обсуждаемым предметом. Я не нахожу нужным скрывать от кого бы то ни было тех моих взглядов, которые я излагал прокурорам при жандармских допросах. (Но извините, если моя откровенность покажется Вам неприятной и неуместной, тем более, что Вы никогда таких вопросов, в таком смысле мне не предлагали.) Деятельность наша, в качестве идеологов рабочего класса, состоит в выяснении членам образовавшегося в России пролетариата их классовых интересов, в указании им, на основании опыта наших западных товарищей, такой практической деятельности, которая ведет к цели с большей экономией сил, более верным путем, с большей надеждой на скорейший успех*. Удастся или нет нам осуществить наше заветное желание, чтоб самосознание русского пролетариата выразилось в высшей форме политической деятельности, чтоб пролетариат быстро, непосредственно достиг обеспечивающей его права политической свободы, — все равно: «Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса». Если наша деятельность окажется бесплодной, разобьется о козность мысли русских пролетариев—мы погибнем, и пролетариат русский пройдет через те же длинные и мучительные фазисы борьбы, как и на Западе. Но ничто не может удержать нас и, вероятно, наших преемников от настойчивых энергичных попыток сократить этот путь борьбы.

Итак, наша ближайшая цель заключается в достижении политической свободы, обеспечивающей социально-политические права пролетариев (всеобщего избират[ельного] права, свободы социалистической печати и пр.).—Но достижение этой цели составляет насущную необходимость не для одного только фабрично-заводского пролетариата, но и для всего трудового класса. Эта цель — общенародная. Она составляет важнейший вопрос дня. Мы это имеем в виду и потому будем всеми силами стремиться привлечь к политическому движению русского пролетариата крестьянство; мы будем выяснять этому последнему его классовые интересы, противоположность их с интересами господствующих классов, защищаемых существующей государственной властью; мы познакомим крестьянство с его собственной экономической и политической историей.

* Говоря с большей экономией сил и пр., я имею в виду то обстоятельство, что всюду рабочие начинали борьбу поодиночке, отдельными разрозненными группами; разбивали машины, поджигали фабрики и пр.; что их первые массовые движения «были вызваны буржуазией в ее собственных целях». (Примечание Н. Федосеева.)

Итак, важнейшую ближайшую задачу—достижение политической свободы («через народ») — мы считаем общею для пролетариата и крестьянства. — Насколько крестьянство отзовется на это общее дело, покажет будущее. Но пролетариат, во всяком случае, составит авангард революционной армии, во-1-х, потому, что он сосредоточен в массе в важнейших политических центрах, и, во-2-х, потому, что фабрично-заводские рабочие самими условиями их жизни более подготовлены к восприятию идеи необходимости политической борьбы, чем масса крестьянства.

Не только одна эта политическая задача составляет общее дело пролетариата и крестьянства. Русский пролетариат и крестьянство еще долго будут иметь массу общих социальных интересов. Превращение возможно большего числа экспроприированных крестьян и кустарей, — составляющих в настоящее время кадры босяков, — в самостоятельных хозяев находится в тесной связи с интересами занятого пролетариата. Потому именно, что безработные, сбивая своей конкуренцией заработную плату, понижают материальное благосостояние занятых рабочих и страшно роняют шансы на сколько-нибудь успешную борьбу с капиталистами. Изменение податной системы, в смысле переложения податного бремени с неимущего большинства на имущие классы — требование, одинаково существенное как для рабочих, так и для крестьян. Крестьяне и пролетарии находятся в тесной органической связи друг с другом.

Требование радикального улучшения положения мелкого деревенского хозяйства, сокращения рядов безработного пролетариата — со стороны идеологов-марксистов, стремящихся стать выразителями трудового класса, будет не «просто добрым делом», как Вы думаете, не простым только состраданием к невыразимым мучениям крестьянства, а экономической и политической необходимостью. Если б идеологи-марксисты и отказались вставить в свою программу защиту интересов крестьянства, то пролетарии принудили бы их к этому или не признали бы их выразителями своих интересов. Такова неизбежная постановка вопроса.

Что эти наши пожелания не останутся на словах только, в области фантазий, этому гарантией служит тесная связь между интересами пролетариев и крестьян; эта связь на каждом шагу резким образом будет напоминать о неотложности деятельности в смысле подъема экономического благосостояния крестьян.

Наша роль, роль идеологов, при этом будет заключаться еще в том, чтоб противиться всяким таким мерам к «поднятию благосостояния деревни», которые влекут за собой стеснение личности, именно всем мерам «принудительного коммунизма», вроде, запрещения семейных разделов, общественной запашки, крутовой поруки и т. п., а также насильственному закреплению крестьянства в деревнях (чего, напр., требуют финляндские рабочие).

В настоящий момент правительство с откровенностью, обнаженной от обычных уверений «обнимать любовью и попечением всех верноподданных всякого звания и состояния», заявило свою экономическую и политическую программу. Экономическая программа будущего, — изложенная, между прочим, во всеподданнейшем докладе министром финансов на [18]94 г., — имеет прямой целью разорение массы мелких хозяйств, созидание крупной капиталистической индустрии, развитие и усиление косвенного обложения.

Политическая же программа попрежнему исключает всякое право заявления о своих интересах со стороны подчиненных классов. Капиталисты и их идеологи получают значительное участие в высшем государственном управлении в качестве совещательных членов, — по крайней мере в важнейших для них вопросах. Финансовая и вообще экономическая политика встречает заметную общественную оппозицию только со стороны земле-

владельческого класса и явных или тайных его сторонников. Самый ход вещей заставил правительство отклониться несколько от интересов класса, «благородно владеющего мечом», и оказывать покровительство индустриальному капитализму. То обстоятельство, что интересы индустриальных капиталистов поставлены на первый план, а землевладельцам сулят журавля в небе в виде развития внутреннего хлебного рынка,—может вызвать рано или поздно социальный конфликт между старым и новым господствующим классом, конфликт, который нами нуемо разрешится в ограничении абсолютизма. (Но мы, повторяю, не должны и не можем оставаться пассивными зрителями длинного постепенного процесса уничтожения старого феодального строя, хотя бы и находили преимущества какой бы то ни было октроированной конституции, сравнительно с существующим режимом.)

Вот, на мой взгляд, важнейшая сторона нашей текущей действительности. В этот момент, когда правительство так откровенно заявляет о своей враждебности ко всему трудовому населению, мы должны заявить, от лица трудящихся классов, требование радикального изменения податной системы и организации труда на базисе крупного коллективного машинного производства. Мы всегда будем иметь в виду эту цель, она — главнейший пункт нашей программы.—Время осуществления ее зависит от того, как скоро крестьянство поймет, что его спасение в коллективизме. Но пролетариат—выделившийся класс, как более прогрессивный, и тут будет авангардом.

Разумеется, сколько-нибудь серьезная политическая агитация в пользу названной радикальной экономической реформы будет возможна лишь с момента политической свободы. Крестьянство, несомненно, долгое время будет пассивно относиться к нашей экономической программе; оно, вероятно, примкнет к партии крупных землевладельцев, а может быть, составит свою собственную мелкобуржуазную партию, вроде партии американских фермеров; но жизненные обстоятельства рано или поздно заставят и нашего крестьянина примкнуть к социал-демократической рабочей партии, как принуждают к этому мало-помалу румынских, германских, итальянских и отчасти австрийских крестьян.

До тех же пор, т. е. пока крестьянство сознательно не примет социал-демократической программы, рабочая партия, по необходимости, должна будет ограничиваться только требованиями облегчения существующего положения мелких земледельцев и кустарей, т. е. требованиями, обещающими несомненный успех.

Изложенный выше план—идеал.

«Человек может ошибаться или не ошибаться в этом отношении; может считать недостижимым идеал возможный и, наоборот, вдребезги разбить свою жизнь ради совершения фантастической мечты; работа критической мысли и житейский опыт могут повлиять на него и в ту, и в другую сторону. Но, независимо от судеб идеала в этом смысле, убеждение в его достижимости или недостижимости, очевидно, должно сильно влиять на его значение, как нравственно руководящего начала». Изложенными выше соображениями я имел целью пояснить Вам, что наш идеал имеет базисом материальные условия настоящего исторического момента; это обстоятельство придает особенную уверенность нашему «субъективному» убеждению в достижимости идеала. Но «не только конечный, а вообще сколько-нибудь значительный идеал обыкновенно передается действующим поколением потомству. В этом состоит, может быть, трогательнейшая и благороднейшая черта истории человечества... Эта способность расширить свое личное существование далеко за его фактические пределы и наслаждаться и страдать далеким будущим, без надежды или опасения быть его действительным участником, есть одно из свидетельств благородства че-

ловческой природы и один из драгоценных залогов лучшего будущего. Черта эта тем трогательнее, что далеко не всегда можно уловить конкретные подробности осуществления идеала... Передавая такой идеал потомству и потомству потомства, мы, без риска впасть в более или менее грубые ошибки, не можем себе представить, какие новые ходы откроются для потомства и какие новые пружины будут ими пущены в ход...» (эти слова, как и отмеченные выше кавычками, принадлежат Н. К. Михайловскому³).

Итак, Вы не станете требовать от нас не только определения «конкретных подробностей» осуществления нашего социального идеала, но и определения во всех подробностях нашей практической деятельности для осуществления этого идеала. Если Вы, тем не менее, настаиваете на этом, то эту настойчивость надо объяснить, вероятно, полемическим увлечением с Вашей стороны.— Да, говорите Вы, «с этической, а частью и с чисто практической точки зрения против такого отношения (к историческому процессу) нельзя было бы ничего возразить, если бы не та якобы научная теоретическая подкладка экономического материализма, которая внушает совершенно неосновательную самоуверенность, и не та скользкость пути, которая легко может свести пассивный марксизм к активному»⁴ («прямому настаиванию на разорении крестьян»). Оставляю пока в стороне невыносимый для Ваших нервов экономический материализм. Вы хотите лишить нас единственной гарантии на успешность деятельности, лишить нас «нравственно руководящего начала» в деятельности, уверенности в научной истине, осуществимости наших идеалов!

Избави бог! Я не буду сердиться, что Вы обладаете уверенностью, основанною на субъективном понимании истории, в достижимости Ваших идеалов, что Вы свою науку считаете настоящей наукой, а все другие (и в том числе и особенно нашу) «якобы науками»!.. что же касается «скользкости пути», на котором стоят, по Вашему (и м[инистра] вн[утренних] дел г. Дурново) мнению, марксисты, то об этом предмете стоит потолковать еще раз. «Маркс оперировал, — говорите Вы, — над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создать их». «Крестьянин наш, — писали Вы еще в 1877 г., — далеко не в такой мере «свободен» от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного развития капитализма. Напротив, несмотря на его печальное положение как земледельца и землевладельца, многие обстоятельства даже помимо его собственных инстинктов держат его у земли»⁵. Это вы писали 17 лет тому назад. С тех пор много воды утекло, много произошло перемен, но Вы ничему не научились, ибо с живым увлечением повторяете старые слова и цитируете те слова из «письма» К. Маркса, которыми он высказал совершенно верную мысль, что Россия не сделается капиталистической нацией, не преобразовав доброй доли своих крестьян в пролетариев (а в последнее время она сделала в этом отношении много, добавлял К. Маркс)⁶.

Вы находите, следовательно, что наш крестьянин далеко не в такой мере свободен от земли до сих пор, в какой это необходимо для развития капитализма. Мы же, напротив, видим, что экспроприированных слишком много, что всего их громадного количества не в силах поглотить развивающаяся форма капиталистического производства, что масса экспроприированных обречена на вымирание от голода и болезней...

«Русский марксист, — говорите Вы, — осужден в лучшем случае на пассивное созерцание совершающегося обоюдострого процесса»... Смею Вас еще раз уверить, что Вы ошибаетесь на этот счет. Для нас вовсе не необходимо, как Вы это пытаетесь навязать нам, роскошное развитие капитализма, чтоб начать нашу активную деятельность на почве экономических противоречий, уже созданных. С самого момента возникновения крупного капиталистического производства обнаруживается антагонизм

между рабочими и хозяевами; антагонизм этот ведет к борьбе между ними и к борьбе подчиненного класса с государственной властью, защищающей интересы господствующих. Мы, идеологи рабочего класса, стремимся выяснить рабочим их собственное классовое сознание, сообщить ему научный характер и вместе с ним начать политическую борьбу и «отстаивать общие независимые от национальности интересы всего пролетариата» *. Нам предстоит выполнить эту задачу в среде уже сорганизованного капиталом в настоящую минуту трехмиллионного пролетариата. Это колоссальное дело; трудность его увеличивается еще тем, что оно должно на первых порах совершаться под губительным огнем буржуазно-феодалной монархии.

К серьезному решению босяцкого вопроса, который имеет для нас значение не только потому, что это вопрос об устранении вымирания от голодных болезней миллионов людей (в России уже есть много местностей, где смертность превышает рождаемость), но и к тому, что он тесно связан с интересами пролетариата,—так к решению этого вопроса с надеждой на серьезный успех мы можем приступить не ранее, чем достигнем политической свободы. А между тем, г-да Менделеев и Скворцов, с одной стороны, и гг. Чупров и Стебут **, с другой, наперерыв, каждые для своих патронов, хлопочут о выработке «новых типов коммерческих хозяйств» †, о мероприятиях, косвенно влекущих за собой разорение мелких хозяйств и арендаторов, и о прямой экспроприации миллионов 20 — 25 крестьян (Скворцов) ‡...

Поверьте на слово, если Вас не убеждают доказательства мои и моих товарищей, что нет «такого противоречия, которое терзает нашу душу на каждом шагу»...

Вы почему-то выпустили из моего письма к Вам важнейшие строки, разъяснявшие это, а именно, что мне и моим товарищам не приходится терзаться отсутствием связи между теорией и делом. Это одно из очень досадных упущений, тем более, что мы обречены полемизировать с Вами приватным образом; и раз Вы решили предать нашу полемику суду читающей публики, то необходимо было сделать возможно точную передачу наших возражений (или, вернее, заявлений). Сюда же следует отнести и Вашу фразу: «Несколько слов, сказанных мною о противоположении [между народничеством и марксизмом], было достаточно, чтобы взволновать господ марксистов» §. Я, напр., совсем не «волновался» от Ваших слов; я писал Вам, что выдающийся интерес Вашей статьи, затрагивавшей самый насущный вопрос, заставили меня взяться за перо...

Вот еще вопрос. Если я утверждаю, что в принципе русских марксистов нет того порока, который открыли Вы, что этот принцип не раздваивается на внутренние, друг друга пожирающие, противоречия, то как же объяснить, что в действительности существует, как Вы сообщаете, «довольно много» марксистов, «прямо настаивающих на разорении деревни»? Подобные абсурды для нас имеют ничуть не меньшее значение, чем для Вас...

* Я говорю не только о фабрично-заводских рабочих, но и о рабочих, занятых строительной, перевозочной промышленностью, обработкой сельскохозяйственных продуктов и пр.; эта цифра далеко меньше действительной; но я не включаю сюда земледельческих рабочих. С приблизительной точностью определяют, что в настоящее время в России около 80% населения занято земледелием; отсюда надо исключить около 2/3 всего крестьянства, которые не ведут самостоятельного хозяйства или ведут на арендованной частновладельческой земле. Положение последних в высшей степени неустойчиво, если принять во внимание энергичную агитацию гг. Чупрова, Стебута и пр. о водворении нового типа коммерческого хозяйства. (Примечание Н. Федосеева.)

**Говоря так о профессорах Чупрове и Стебуте, я имею в виду любопытные речи, произнесенные ими в качестве «жрецов науки» перед землевладельцами «Московского общества сельского хозяйства» 23 октября и 27 ноября 1892 года. (Примечание Н. Федосеева.)

О, если б только зло!.. Но рваться всей душою
 Рассеять это зло, трудиться для людей
 И горько сознавать, что об руку с тобою
 Кричит об истине, ломаясь пред толпою,
 Прикрытый маскою продажный фарисей

или глупец, надо добавить. Но не Вам бросать в нас стрелы за то, что мы и «в своем углу не можем столковаться», не можем вывести (да и возможно ль это?) «продажных фарисеев» и глупцов... Впрочем, я верю, что Ваша «нравственная личность» и Ваши «большие умственные способности» не позволяют Вам «отождествлять русских марксистов с рыцарями накопления» *. Но как прикажете совместить Ваше уверение, что Вы «не отождествляли русских марксистов с рыцарями накопления», с Вашим же утверждением, что марксисты «не только не должны (по самому принципу своей теории) протестовать против калечений человеческого организма в перипетиях капиталистического процесса, но даже радоваться им, как необходимым, хотя и крутым ступеням, ведущим в храм счастья»? ¹⁰. Думаю, что Вы не станете отрицать принципа, что «всяк, взглянувший на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Марксист, по принципу ликующий успехам капитализма, нравственный сообщник «калечения человечества».

Пока Вы нам разъясните это, я позволю себе высказать мое предположение насчет действительных причин Вашей ожесточенной атаки.

«Всякая деятельность, соответствующая нравственным требованиям марксиста (т. е. соединению работника с условиями производства), невозможна для него, так как только задержит, затян timer процесс». Так утверждаете Вы, совершенно забывая потом, что Ваше утверждение логично только по отношению к марксисту, созданному Вашей мыслью.— Для Вас, повидимому, большой неожиданностью было встретить в моем первом письме вскользь брошенную идею о необходимости для нас, русских марксистов, политической борьбы за превращение босяков в самостоятельных хозяев и за поднятие экономического и правового быта деревни. Я говорил, что это необходимо для нас в качестве марксистов, особенно не потому, чтоб поднятие экономического уровня мелкого хозяйства и превращение босяков в самостоятельных мелких хозяев (все, о чем я могу мечтать, не заносясь в заоблачную высь) заключало в себе что-либо «специально марксистское»,—тут, действительно, ничего марксистского нет, а потому, что интересы пролетариата находятся в тесной связи с этим вопросом. Я, кроме того, думаю, что ни одна из политических партий, пока не организуется специальная мелкобуржуазная партия, не может так искренне и энергично настаивать на неотложности выполнения этого плана. Я уверен, что никто из «настоящих марксистов» не относится враждебно к высказанному мной плану и никто из них не скажет: «коли вам охота заниматься такими пустяками, занимайтесь, а нам не по дороге». Будьте уверены, что это будет так, как я говорю; разногласия тут не может быть. Ваше личное мнение, что этот план есть просто доброе дело, верно лишь по отношению к Вашему гипотетическому марксизму. Я охотно подписался бы под письмом, полученным Вами за подписью «марксисты», несмотря на сжатость высказанной в нем мысли. Вы не поняли из этого письма: «как может идти речь о какой бы то ни было «практической программе» там, где невозможно сознательное воздействие и где все идет инстинктивным путем и не может идти иначе». Вы пропустили маленькое, но очень важное слово для понимания смысла письма: «сознательная деятельность интеллигенции не может изменить ха-

* Я должен заметить, что эпитет «рыцари накопления» брошен по адресу марксистов знаменитым ренегатом Львом Тихомировым, впоследствии автором «Нужна ли нам фабрика?» (в «Русс[ком] Обозрении»). (Примечание Н. Федосеева.)

рактера экономической эволюции»¹¹. Вот в этом слове Вы и могли бы найти ключ к разгадке. В самом деле, ставя себе ближайшею целью поднятие экономического и политического быта крестьянской России, мы не обольщаем себя надеждой, что осуществление этой цели «задержит, затянет процесс развития капиталистической индустрии». Если Вы думаете иначе,—дело Ваше; но мы Вашего мнения не разделим. Ни община, ни льготный кредит, ни переселение, ни понижение платежей не спасет мелких собственников от разъединения с условиями производства, раз существуют денежно-товарное производство и крупное капиталистическое земледельческое и индустриальное хозяйство. Я думаю, что могу, не затягивая и без того очень длинного письма, оставить это положение без обосновки. Если Вы убеждены в возможности прямо перепрыгнуть от мелкого хозяйства к крупному коллективному, опять же дело Ваше; но мы совершенно не верим, чтоб Вы могли совершить такое *salto-mortale*. Но, тем не менее, во всех практических мероприятиях к действительному улучшению положения мелкого хозяйства и подготовке условий к превращению мелкого хозяйства и частнокапиталистического в коллективное мы будем искать друзей, которые искренне и энергично стремились бы к тому же.

Итак, корень наших разногласий, думается мне, если не единственный, то главнейший, заключается в том, что Вы или — убеждены, что какие бы то ни было радикальные меры к поднятию экономического уровня мелкого хозяйства могут в корне уничтожить развитие капиталистической формы производства, антагонистичной мелкому самостоятельному хозяйству; или — Вы верите, что Вам удастся прямо создать коллективную форму производства, «на базисе» обмирщенного труда. В первом случае я назвал бы Вас «мелкобуржуазным философом», во втором — «утопистом», в том смысле, какой придается этим словам в «Манифесте»... Но доброму делу и я желаю от души успеха.

Далее, мои товарищи писали Вам, что «характер нашей экономической эволюции как до сих пор не зависел, так и не может зависеть в более или менее близком будущем от той или другой деятельности интеллигенции. С начала 70-х годов Вы доказываете существование в России особых условий, благодаря которым она может миновать капиталистическую стадию развития. Мы отрицаем наличность таких условий. Мы находим, что ход экономической эволюции, как до сих пор, состоял в разрушении экономической организации и впредь будет отличаться тем же характером... Экономическая эволюция при настоящих условиях может совершаться только инстинктивным путем, так, как она совершалась до сих пор на Западе»... Со всем этим я опять-таки согласен, за исключением некоторых выражений. Действительно были у нас всевозможные идейные течения, открытые «кающимися дворянами»; а процесс экономической эволюции все ускоряется, не меняя того характера, который он получил в последнюю эпоху денежно-товарного крепостного помещного хозяйства. Конечно, я не стану утверждать, что неуспех, прекращение какой бы то ни было деятельности в прошедшем сами по себе доказывают мертворожденность идей, вызвавших эту деятельность. Пришлось бы предпринять продолжительную экскурсию в область недавнего прошлого; но это не входит в мою задачу, заключающуюся в ответе на Ваши возражения и затронутые Вами вопросы. Но я не могу не заметить, что аналогичные умственные движения происходили на Западе, и там они были вызваны теми же причинами, что и у нас, и прекратились, также не оказав влияния на изменение характера экономической эволюции. — Что наш экономический процесс совершается инстинктивно, это верно в том смысле, что попытки идеологов трудящегося класса до сих пор не в силах остановить его или изменить и, главное, что масса тру-

дящегося люда пассивно втягивается в него; если б трудящиеся классы вдруг прозрели очами и поняли бы, что развивающийся экономический строй несет с собой увечье и гибель миллионов личностей из их среды, и если б они, вместе с тем (и главное), уразумели, что в коллективизме их спасение, то от этого губительного процесса, предшествуемого холерой, голодным тифом, голодной смертью, преступлением и проституцией, не осталось бы и следа! Он исчез бы, как дым: Но масса разоренных, отупевших, голодных «распоясовцев с восторгом встречают, как избавителя купонного короля, Ивана Кузьмича». У них пока одно страстное желание—«землицы»; это всероссийский крестьянский вопль, имеющий тот трагический характер, что это вопль человека, умирающего с голоду. Можно думать, смею думать и верую, что этот вопль наконец сольется боевым кликом!—Но пока крестьянин—«человек, питающийся лебедой», приниженный, избитый, голодный—бежит из общины, от своего надела. «Но многие обстоятельства,—свидетельствуете Вы,—даже помимо его собственных инстинктов, держат его у земли». Такова одна сторона современной действительной общины и надела и роли капиталистической индустрии: Vernunft Unsinn Wohthlat Plage geworden...* В 1883 г. Вы писали: «Правда, что и наш невываренный в фабричном котле мужик, на другой манер, конечно, но все-таки тоже более развращается, вырождается; но из этого еще не следует, что только и свету, что в окошке» (капитализме)¹². Прекрасно, но пока все-таки приходится радоваться, если крестьянин вырвется из действительной общины, от действительного надела, что он хоть несколько сбросит с себя непосильный «долг государству» и превратится в фабричного работника, попадет в несколько лучшие условия? Но огромная часть крестьян, выгнанных нуждой из деревень, все-таки, не находит доступа и к этому «окошку».

Далее, мои товарищи высказали мысль, что экономическая эволюция «и впредь будет отличаться тем же характером». Этим высказывается, думаю, та мысль, что Россия, раз выступивши на капиталистический путь, будет развиваться в этом направлении, не встречая препятствий в виде конкуренции более развитых капиталистических наций, отсутствия национального единства, с общим экономическим центром и пр.; ибо, при наличности таких препятствий, настоящая экономическая эволюция должна была бы или должна будет оборваться и нам пришлось бы, вместе с т. Н—оном¹³, ожидать всемиловейшего манифеста, призывающего божие благословение на обобществленный труд, при громких аплодисментах гг. капиталистов и помещиков, убедившихся в невозможности существования антинародной формы производства. Этого вопроса Вы почти не касаетесь, за исключением следующей фразы: «Один марксист писал мне, что я вижу в нищете бедствие, тогда как оно вместе с тем есть и орудие движения... Если читатель обратится к самому Марксу, то убедится, что слова эти никак не могут быть приложены к нашим делам и что наша нищета есть исключительно бедствие». Я с Вами согласен в том, что нищета сама по себе бедствие, и добавлю, что социальное движение, вызываемое нищетой, само по себе совсем не ведет к прогрессу, оно (движение) только показатель социального антагонизма. Пролетарий Рима мог превратиться только в колона. Нищета Ирландии исключительно нищета, потому что Ирландия капитализирована Англией. Прогрессивный характер движения пролетариата обусловлен материальными условиями современной формы производства, благодаря этим условиям пролетариат—«камень церкви настоящего».

Далее, Вы говорите, что «если нам суждено самую историческую необходимость пережить капиталистическую фазу развития, то, не беспо-

* Разум становится бессмыслицей, благодеяние — мучением (бичем). — Ред.

кэйгесь, она найдет более подходящих выразителей, чем марксисты». Эту стрелу, г. карающий олимпиец, я возвращаю Вам с неповрежденным острием. Я первый сердечно буду рад появлению более подходящих носителей идей рабочего класса, т. е. более талантливых, «во всеоружии науки». Это мое страстное желание. Только можно ль скоро ожидать появления этих талантливых, гениальных борцов, когда наш абсолютизм калечит детские и незрелые организмы. А пока будем действовать мы, по теории уважаемого П. А. Лаврова¹⁴, это наша нравственная обязанность, мы не должны и не можем отказаться от деятельности потому только, что считаем себя недостаточно талантливыми и учеными.— За совет, «по крайней мере, как-нибудь иначе называться», а не марксистами—спасибо, но принять его не могу. Меня, думаю, и моих товарищей, никакие шуты гороховые и фарисеи не заставят отказаться от названия, которое, как нельзя более, подходит к делу. Это не журнальная этикетка, а и от этой, ведь, бывает, вероятно, трудно отказаться.

Далее. Выясняя «поведение» тех, кого Вы назвали пассивными марксистами, Вы пишете: они не интересуются «народом, на земле сидящим и вообще владеющим средствами производства». Для нас совершенно невозможно игнорировать этот класс народа. Невозможно потому, что история пролетариата—история разорения крестьянского. Нам необходимо знать историю крестьянства и интересоваться его текущей жизнью не только потому, что наша деятельность связана с интересами крестьян, но и потому, что пролетарии предъявляют к нам требования познакомиться их с историей русского крестьянства. Написать историю крестьянства тем более необходимо в настоящий момент, что гг. экс-помещики и их публицисты начинают спекулировать на «крестьянском благе», в видах борьбы с ненавистной им буржуазией. «Обе формы настоящего городского населения, плутократия и пролетариат,—пишет, напр., кн. Друцкой-Соколинский,—явление совершенно новое в России. Несомненно, в городах прежней России бывали и богатые и бедные жители, но только ныне мы видим широкое преобладающее развитие вышеупомянутых двух типов, и это, бесспорно, результат положения, приобретенного отечественной промышленностью в последнее время... Надо отдать полную справедливость, что и относительно пролетариата Москва в короткое время опередила Европу»¹⁵. Радеющий об интересах крестьянства князь, да и не один он, а много разных других титулованных и нетитулованных землевладельцев, тоже вопиющих о разорении народа буржуазией,—совершенно умалчивают о роли, которую играли они или их отцы, радея о детках, в создании современного пролетариата... Нет, мы необходимо должны передать на суд пролетариев и крестьян всех этих «симпатичных» радетелей крестьянства, Ростовцовых, Милютиных, Черкасских, Самариных, наряду с Паниными и Гагариными и теми, что были тогда наверху¹⁶.

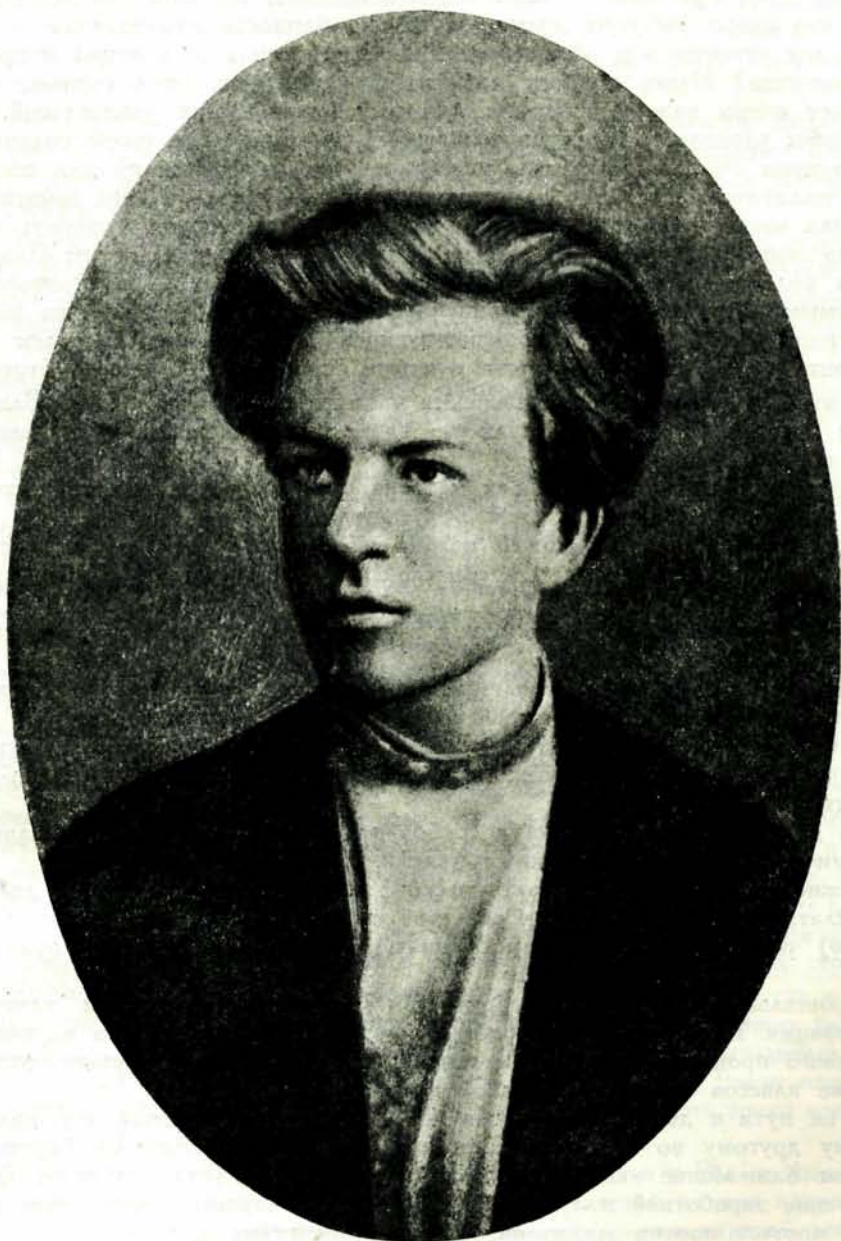
Вы говорите, что «марксисты», «во имя науки, попирают отцовские идеалы», «утопии», как они надменно говорят, вполне уверенные, что в их провидениях будущего нет ничего утопического, а все взвешено и смирено по предписаниям строгой науки». Виноват, дозвоьте пояснить, что слово «утописты», которым, действительно, мы называем Вас, не имеет вовсе оскорбительного и надменного смысла; оно только служит для ограничения нашей фракции от Вашей. Так как, по крайней мере, я употребляю это слово в значении, которое ему придано в «Манифесте», то я процитирую относящееся сюда определение: «Творцы этих систем (критического утопического социализма и коммунизма) видели уже антагонизм классов, равно как и влияние разрушительных элементов, внутри самого господствующего общества. Но они не видели в пролетариате никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения. Так как развитие антагонизма классов идет рука об руку с разви-

тием промышленности, то в свое время они не могли найти материальных условий освобождения пролетариата. Они надеялись пополнить этот недостаток открытием социальных законов, изданием новой социальной науки. Место общественной солидарности должна была заступить их собственная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны были занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед классовой организации пролетариата — общественная организация собственного изобретения. Дальнейшая история всего мира сводилась для них к пропаганде и практическому осуществлению их реформаторских планов. При этом они понимали, правда, что с своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других страдающего. Но только в этом качестве, более других страдающего класса и существовал для них пролетариат. Критические элементы в их произведениях — драгоценный материал для просвещения рабочих. Значение критически-утоп[ического] соц[иализма] и коммунизма стоит в обратном отношении к ходу исторического развития. В той же самой степени, в какой борьба классов развивается и принимает более определенный характер, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное отношение к ней»¹⁷. Я желал бы подчеркнуть здесь то, что название «утопистов» мы даем не столько по отношению известных деятелей к будущему, сколько по отношению к настоящему положению вещей, к настоящей классовой борьбе.

Затем, Вы говорите, что мы «попираем отцовские идеалы». Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть крестинами и нравственными квазимодо, чтоб «попирать» идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского! Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей, мы рекомендуем и даем их читать всем тем, кто просит у нас указаний относительно чтения в определенном смысле. Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценнейшим достоянием русской мысли!.. Но что ж нам делать, когда «отцы» или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?

Нет, нас тоже страшно гнетет, что «полное забвение и незнание клеветы и непонимания по отношению к тому литературному направлению, к которому принадлежите Вы», растет и вырастает до невероятных размеров. Мы видим и знаем тех людей, которые ничтоже сумняшеся изрекают, что «г. Слонимский, по их убеждению, научнее, а Вы — симпатичнее». Случай, о котором я говорю, положим, сам автор объяснял периодом «детопроизводства». но на самом деле многие приходят к тому же, что она уже следствия подчинения экономическим условиям настоящей жизни. А такая странная «симпатия» исчезает быстро, как дым.

Хотя мы и называем Вас и подобных Вам «утопистами», но это ничуть не мешает нам считать Ваше направление самым близким для нас. И это не только в силу важности для нас «критического элемента» Ваших произведений, но и потому еще, что те «утописты», которые вместе с Салтыковым убеждены, что «формы правления совсем не безразличны» и что противоположное мнение, что «все они ведут к утучнению и без того тучного буржуа» — уверенность печальная и неосновательная, — близки нам по общности ближайших стремлений. И названное убеждение должно быть поставлено на первый план при оценке роли наших утопистов; оно ставит их неизмеримо выше «немецких или истинных социалистов» и французских и английских эпигонов «великих утопистов». Эти

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ

Фотография 1889 г., Самара

Музей Революции СССР, Москва

наши утописты—ближе для нас и в этом последнем отношении, чем доктринеры либерализма, из которых один, а именно г. Слонимский¹⁸, еще недавно прибил г. Н—она своими «кроличьими лапками» за то, что тот взял на себя доказательство, что только коллективизм может избавить трудовое население от всех бед капитализма. Но есть основание думать, что скоро наступит время, когда эта близость нарушится...

Как мы относимся к общественной деятельности наших отцов и предшественников? Этого вопроса я обсуждать не буду, хотя сознаю, что он имеет очень важное значение для выяснения наших разногласий. С особенным удовольствием я подчеркиваю Ваши слова: «в своей полемике с Дюрингом Энгельс потратил, между прочим, много усилий для постановки политической власти на экономический пьедестал и, без сомнения, высказал много верного». Несмотря на Вашу дальнейшую оговорку: «но считать вопрос исчерпанным, конечно, нельзя»—я придаю этим Вашим словам большое значение; лет 10—11 назад говорилось противоположное самым категорическим образом, без всяких оговорок. Что же касается нашего отношения к предшествующей деятельности, то я мог бы повторить все то, что сказал выше о нашем отношении к «идеалам отцов».

На этом я закончу мои возражения и замечания на одну часть Вашей статьи и, для удобства, формулирую главнейшие из высказанных мною выше положений.

Русские марксисты в наличных материальных условиях экономического строя имеют почву для активной революционной деятельности.

Русские марксисты ближайшей целью своей деятельности ставят достижение политической свободы, в смысле гарантии социальных прав трудового населения.

Борьба за политическую свободу в этом смысле составляет общее дело пролетариата и крестьянства.

С момента организации революционной партии русские марксисты возвращаются в политические вожди социал-демократической партии.

Программа этой партии не может быть копией с какой-либо из существующих или существовавших программ западноевропейских социал-демократических партий.

Она должна быть выработана сообразно с существующими социально-экономическими и политическими условиями русской жизни.

(Важнейшей ближайшей политической задачей этой программы должно сделаться уничтожение всех остатков старого феодального (крепостнического) режима как в государственных, так и в общественных отношениях.)

Кардинальным пунктом программы и идеалом деятельности служит организация народного производства на базисе коллективного крупного машинного производства и ее (организации) логическое следствие—уничтожение классов и государственной власти.

Но на пути к достижению этого идеала русскому пролетариату, как и всякому другому во всех капиталистических странах, придется бороться за свои ближайшие экономические интересы (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы (это у нас очень важно), уменьшение налогов, протест против милитаризма, протекционизма и пр.).

Экономические интересы русского пролетариата находятся в тесной связи с интересами класса мелких собственников. Поэтому борьба социал-демократической партии за ближайшие экономические интересы русского рабочего класса выразится, между прочим, в борьбе за возможное улучшение положения мелкого земледельца и кустаря (ослабление, смягчение процесса первоначального капиталистического накопления). Роль политических представителей социал-демократической партии будет заключаться при этом также в устранении всех попыток, ведущих к стеснению

личности крестьянина и кустаря, которые имеют место в настоящее время и могут быть в будущем, во имя поднятия экономического благосостояния.

Все даже самые радикальные меры, направленные к поднятию мелкого хозяйства, не в силах остановить процесса капитализации производства (т. е. отлучения производителя от условий производства, сосредоточения этих последних в руках крупных капиталистов и компаний, превращения продукта непосредственного потребления в товар).

Единственным результатом этих мер будет значительное ослабление тех последствий первоначального капиталистического накопления, которые выражаются в мучительных бедствиях и вымирании миллионов разоряемого и разоренного люда.

Этим, разумеется, не предпрещается вопрос, возможно или нет возникновение самостоятельной политической мелкобуржуазной демократической партии, в программе которой эти меры будут поставлены как основная и конечная цель, — и также каковы будут отношения социал-демократии к этой партии.

Вопросы: возможно ли в России дальнейшее развитие капиталистического производства, и возможен ли переход к коллективизму ранее обобществления труда, на базисе частновладельческого капитализма, по крайней мере, значительной части народного труда, — относятся совершенно к другой категории; решаются при помощи сравнительно-исторического изучения возникновения и развития капитализма как у наций, ранее вовлеченных в процесс капитализации, так и у тех, которые только втягиваются в него: эти вопросы никакого решающего значения на постановку вышеприведенных положений не имеют. Убежден ли русский марксист в том, что обобществление труда произойдет в России, по крайней мере, в тех размерах, как в современной Германии и Франции или даже Австрии на базисе машинного капиталистического производства, или не убежден в этом, он одинаково имеет реальную почву под ногами для активной революционной деятельности в настоящем. Противоречия капиталистического строя у нас налицо. Некотор[ые] отрасли народного труда (обработка волокнистых веществ для одежды, перевозочное дело, горнозаводская промышленность и некоторые другие) капитализированы и внутри них труд обобществлен. Следовательно, рабочие (по крайней мере, названных отраслей) должны и могут усвоить принципы научного социализма, как девиз революционной деятельности; могут и должны ничуть не менее, чем всякие другие рабочие в развитых капиталистических странах.

Следовательно, как в политической борьбе (с абсолютизмом), так и в социально-экономической борьбе существующий пролетариат должен быть и может быть авангардом революционной армии. Это положительный элемент в борьбе. И, надо Вам отдать полную справедливость, Вы не отрицаете этого, говоря, что наш план «частью с чисто практической точки зрения» не вызывает никаких возражений.

Общим выводом из всего предыдущего будет то, что у Вас не было никаких фактических оснований к разделению марксистов на три категории. Но и помимо этого Ваша классификация грешит против здоровой логики. Действительно. В 1877 г. Вы создали гипотетического марксиста¹¹, терзающегося на каждом шагу коренными противоречиями своей теории, с бесстрастием Пимена заносящего в летопись факты обоюдоострого прогресса; он радуется этому процессу. «В [18]77 г., — Вы сами далее пишете, — я высказал предположение о логической возможности русских марксистов, проповедующих нищету, насаждающих пролетариат». В 1894 г. Вы устанавливаете три категории марксистов, находящихся между собой и Вашим гипотетическим марксистом в такой же внутренней связи, как Св[ятая]

Троица¹⁹. «Зрители» — это Св[ятой] Отец, alter-ego Вашего марксиста [18]77 г. (именно его Вы тогда угадали); они, сидя в комфортабельной ложе, бесстрастно смотрят, как злодей убивает театральную невинность или как «благородный отец» терпит позор и унижение». «Но театральные билеты даром не дают», а билет на комфортабельную ложу надо купить дорогой ценой; т. е. бесстрастное наблюдение жизни невозможно, когда «зритель заплатит», когда он имеет капитал и орудует им или когда он пристроился за общественным или частным сытным пирогом.

Св[ятой] Отец рождает Св[ятого] Сына — пассивного марксиста. Пассивный марксист не желает ни оставаться бесстрастным зрителем в комфортабельной ложе, ни принимать активное участие в образовании капитализма и пролетариата; он сосредоточивает свое внимание на сорганизованных уже пролетариях; но он стоит на скользком пути, ибо должен радоваться роскошному расцвету капитализма, и поэтому от Св[ятого] Сына исходит Дух Святой — активный марксист, протестующий против помощи голодающим крестьянам, так как это задержит, по их мнению, желанный и радостный для них процесс развития капитализма.

Дух Святой исходит и от Отца, платящего за комфортабельную ложу, так или иначе участвующего в жизни (это уже крайний тип марксиста). И Ваша Св[ятая] Троица (получилась единосущная и нераздельная; «без лиц в трех лицах Божества!» Если присоединить ко всему этому еще ортодоксальность всех этих фигур («снисходительно или презрительно смотрящих с своей высоты на профанов, вынимающих из кармана с любезною или нелюбезною улыбкой тщательно переписанную марксову схему»), то и получается настоящая Св[ятая] Троица Святой Руси. Но в этих делениях на категории Вы ошиблись уже в одном том, что, как православный поп, стараетесь разграничить три лица, сливая их в то же время в одно. Теперь русским марксистам остается ждать, что переведут их название («марксисты») на волапюкский язык, напишут цифирью, сложат, если надо — вычтут и откроют «число звериное». А потом призовут православный народ, с косами и вилами, на антихристовых слуг; но это dokonчите не Вы, а гг. Воронцовы и Юзовы²⁰.

Да, многоуважаемый Николай Константинович, велика смута в нашем отечестве в настоящий момент, и Вы не малую долю стараний прилагаете к увеличению этой смуты, задерживая метафизическим и мистическим туманом несомненно практически-прогрессивное направление мысли и активной деятельности.

Собственно, я придаю серьезнейшее значение выделению из рядов марксистов тех глупцов или продажных фарисеев, которые, смешивая капитализм с первоначальным капиталистическим накоплением, протестуют против всякой помощи деревне. Это, повторяю, имеет громадное значение для меня и моих товарищей. Но дело-то в том, что в действительности часто бывает так, что беседуют молодые люди разных направлений о какой-нибудь «злобе дня»: одни горячо высказывают веру в общину, инстинкты народные, преувеличивают практическое и нравственное значение кормления голодающих, и в это время вдруг какой-нибудь юноша или девица гаркнет сгоряча: что ваша община — она оковы личности, или что ваше нравственное значение кормления, — народившаяся сбросит с себя ярмо и поработителей, помимо вас, «вяленой воблы», ищущей стимулов для деятельности в лицеизрении мучений голодающего народа. Сам я таких марксистов не знаю и не встречал и ни от кого от своих товарищей о них не слы-

* Мне один народник, ученик г. Н. Златовратского, серьезно говорил: «Так что ж нам-то теперича делать: итти в деревни, да и кричать на площадях: Бей горшки, ломай ухваты, прялки, бороны и сохи, режь, продавай скот! Идут «капитализм и марксизм». (Примечание Н. Федосеева.)

хал, а слышал (между прочим, и тот пример, который я Вам сообщил в прошлом письме) от лиц другого направления. И по многим соображениям думаю, что никакой серьезной кампании против этих шутов гороховых (я не допускаю возможности даже горяча говорить подобные вещи, какие говорят они) не понадобится. Но это уже наше дело разобраться.

Но есть еще другая сторона дела. Когда я говорю, что «русские марксисты в наличных материальных условиях экономического строя имеют почву для активной революционной деятельности», то эти слова представляют только теоретическое значение. Возникает вопрос, если, как я утверждаю, есть налицо материальные условия для нашей активной деятельности, то существуют ли такие явления, порожденные этими материальными условиями жизни, которые требуют нашего вмешательства? Другими словами, выражаются ли экономические противоречия существующей индустриальной капиталистической формы производства в антагонизме пролетариата и буржуазии? Несомненно, существует. Русский капитализм так же враждебен русскому рабочему классу, как и всякий капитализм всякому рабочему классу. Русский рабочий выражает свою враждебность в борьбе. Борьба происходит бессистемная, вспышками и сопровождается тяжелыми жертвами со стороны борющихся рабочих, не только благодаря непосильности борьбы нищего с богатым, но и благодаря абсолютизму. Проявилась ли борьба рабочих в каких бы то ни было положительных результатах? Первое фабричное законодательство, получившее жизнь в эпоху «диктатуры сердца»²¹, было вызвано не только интересами самих работодателей, хозяев, но и большими волнениями рабочих Петербурга, Москвы и других крупных центров. Отмена присвоения штрафов в частную пользу хозяев и некоторая регламентация взимания их вызваны большой стачкой рабочих Никольской мануфактуры²². Юзовский погром имел следствием издание законодательства о горнозаводских рабочих²³. Недавняя стачка хлудовских рабочих²⁴, имевшая острый характер, послужила толчком к распространению фабричного законодательства и института фабрич[ных] инспекторов на губернии, не имевшие их до этой стачки. Никольские рабочие вынудили своих хозяев посредством стачки уменьшить продолжительность рабочего дня с 14 до 12 ч[асов]. Стачка шуйско-ивановских рабочих сопровождалась сокращением рабочего дня с 16 до 12—13½ ч[асов]. Достигнутые результаты, конечно, ни нас, ни рабочих не удовлетворяют; характеризуюя причины этих миниатюрных реформ, можно воспользоваться словами Бисмарка: несорганизованная рабочая партия «служила бичом», под ударами которого были вынуждены сделать ничтожные уступки.

Польский пролетариат, значительно организованный партией «Пролетариат», выставил требованием 8-ч[асовой] рабочий день. Многие крупные фабриканты Лодзи, напр., Шайблер, наиболее пострадавшие от разгрома, должны были ввести 10-часовой раб[очий] день на своих фабриках и ходатайствовать теперь о законодательном уравнивании продолжительности дневной эксплуатации рабочих сил во всем русском фабричном производстве²⁵.

Далее. Многие рабочие, тем или другим путем усвоившие социалистические идеи, часто равнодушно относятся к стачкам своих товарищей и тем устраняются от влияния, в смысле направления борьбы и разъяснения ее целей. В среде фабричных рабочих стремятся агитировать бунтари и либералы. Наконец, у весьма многих рабочих (я говорю об одном известном мне крупном промышленном районе) большое стремление к знанию. Они сами обращаются к нам с настоятельными просьбами указать источники для решений тех или других интересующих их вопросов, требуют ответов на возникающие у них насущные вопросы. Зачастую на фабриках, бог весть каким образом, организуются кружки (без руководства интеллигентов), достаются книги, выписываются газеты, происходят дебаты,

ведется агитация, устраиваются сношения с рабочими других фабричных районов и деревнями. Но тактика при этом почти всегда отличается крайней непрактичностью и неопытностью, со всеми их последствиями. Мне известны, напр., факты, что рабочие запирали трактир, наполненный 2-сотенной толпой и читали революционные прокламации или устраивали многочисленные сходки для решения важнейших вопросов, не контролируя присутствующих, среди которых оказался урядник, и т. п.

Так борются и гибнут наши друзья, наш долг—вмешаться в эту борьбу, внести в нее свет и знания, организовать и направить с первого же начала против ближайшего врага, абсолютизма,—во имя политической свободы, гарантирующей права трудового населения.—И в этом смысле к нам предъявляют «спрос».—Я не буду останавливаться на жизненных требованиях вмешательства и борьбу крестьянства, с целью объединения ее с борьбой пролетариата и направления к решению единой общей задачи. За мечу лишь, что с этой стороны нет такой массы горячих запросов, нет самостоятельно выяснившихся течений в смысле, о котором я говорю.

Надо добавить, что среди мыслящих рабочих (больших центров) складываются различные направления; тут можно встретить и нигилистов-естественников (у читающих рабочих большое стремление к знакомству с химией, физикой и пр.) *; у нигилистов-рабочих в большинстве базаровская личная и семейная этика, но общественные убеждения социалистические. Есть среди рабочих и толстовцы; но в общем толстовское учение и молоканство встречают энергичный отпор со стороны мыслящих рабочих. Толстовцы представляют изумительный контраст своей личностью с юбскими условиями их жизни; представьте себе среди ада казарменной жизни людей чистых и непорочных, как кристалл; у них, наряду с страстным стремлением к знанию (и тоже реальному), господствует отвращение к насилию, в чем бы оно ни проявлялось. Поэтому они несколько отрицательно относятся к социалистам товарищам, сочувствуя, впрочем, их идеям и стремлению организовать. — Для Вас, полагаю, будет не безынтересно познакомиться со взглядами толстовца-рабочего: приведу выдержку in extenso **, из одного письма рабочего-толстовца: «Я считаю самым необходимым уничтожить в себе пороки и усовершенствоваться нравственно, и имею убеждение, что люди до тех пор не будут жить между собой счастливо, покуда не усовершенствуются. Время, проводимое прежде в пьянстве и пр., они могли бы употребить на обсуждение своего положения и своих поступков. Для благоденствия народов считаю необходимым соединение всех народов в одну семью. Книги должны разрешить наши стремления, чтоб избавили нас от ходуль, а ставили на твердую веру и убеждение и научили бы нас более правильной и разумной жизни; чтобы открыли здравый практический взгляд на жизнь человеческую; чтобы могли из них получить советы и наставления в борьбе со злом; чтобы при этой борьбе менее нести лишений материальных и духовных; свергнуть иго зла мирным путем. Как привлекать людей на сторону разума и правды? Желая познакомиться с естественной историей Библии; с нравственным и духовным развитием всего человечества с начала мира: желаю знать теории Гумбольдта и Дарвина. Хочу знать историю христианских церквей и сект; хочу знать о Л. Толстом, Некрасове, Спинозе, К. Марксе. Меня интересует духовное развитие во всех странах, особенно в России; современное политическое движение в мире. Хочу знать отзывы и критики о Л. Толстом; о

* Я назову следующий факт, показывающий, что и в других центрах происходит то же самое. В арестантском вагоне я случайно попал вместе с пересыльным социалистом рабочим с Балтийского завода. Он мне сообщил, что помимо политическо[й] экономики и социалистическ[их] наук его и многих его товарищей интересуют естественные науки. (Примечание Н. Федосеева.)

** На память. — *Ред.*

стремлениях людей к всеобщему счастью; сведения о реформаторах новых и средних веков. Я стремлюсь к идеократизму, т. е. к разумным понятиям. Мне хотелось бы познать, в чем заключается счастье материальное и духовное. Хочу знать, откуда происходит духовная и материальная ложная жизнь. И откуда задержка нравственной, истинной жизни? Нет ли доказательства обману? Нет ли средств, не поднимая руки, уничтожить зло?» *

И в таких случаях мы усердно рекомендуем вниманию просящих Ваши литературные произведения вообще и статьи о гр[афе] Л. Толстом и толстовцах в частности.— У меня, к сожалению, нет в руках писем рабочих другого направления, гораздо более интересных, чем цитированное.— Если я прибавлю, что подавляющее большинство рабочих невежественно, не знает даже о существовании каких бы то ни было широких интересов и сознающих свое бедственное положение в критические минуты и тут подчиняющихся голосу товарищей — вождей, то условия нашей деятельности в этой среде выяснятся более или менее полно.

Мои возражения на вторую часть Вашей полемической статьи, касающуюся теории экономического материализма, я решил отложить до следующей почты, чтоб успеть познакомиться с Вашей статьей в февральской книжке, которую я только что получил из редакции.

Н. Ф.

* *
*

Теперь перейду к последнему вопросу, которому Вы отвели более всего места в Вашей полемике, — к вопросу о теории экономического материализма, этой «странной», на Ваш взгляд, теории, никем из ученых не доказанной, никем из ученых не проверенной, но принятой на веру массой немецких рабочих, совсем не компетентных в деле философского и вообще научного мышления. Но при всем моем желании отыскать в Вашей статье существенные возражения против этой «странной» теории, по крайней мере против той ее части, которая и по Вашему признанию обоснована, — я встречаю поразительно мало таких возражений; очевидно эта «странная» теория даже в своей обоснованной части не дождалась еще сколько-нибудь основательной критики. Разумеется, и тут моей задачей будет не выяснение теории экономического материализма и ее значения, а только защита от Ваших возражений.

Попробую сгруппировать Ваши взгляды на теорию экономического материализма и те возражения, которые Вы сделали против нее. К. Маркс в своем «Капитале» не изложил материалистического понимания истории; самое большее, он дал в нем несколько блестящих страниц в этом отношении; но тут речь идет об одном только историческом периоде, да и в этих пределах предмет, конечно, не исчерпан; автор просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений. В «Манифесте» и в разных местах других своих сочинений К. Маркс высказал теорию экономического материализма, но нигде не обосновал ее «подробным анализом других философско-исторических теорий, ни сколько-нибудь значительным фактическим материалом».

Вот все, что сделал К. Маркс для теории экономического материализма.

Для теории экономического материализма, как исторической теории, больше всего сделал Фридрих Энгельс. Отдельные мысли в этом направ-

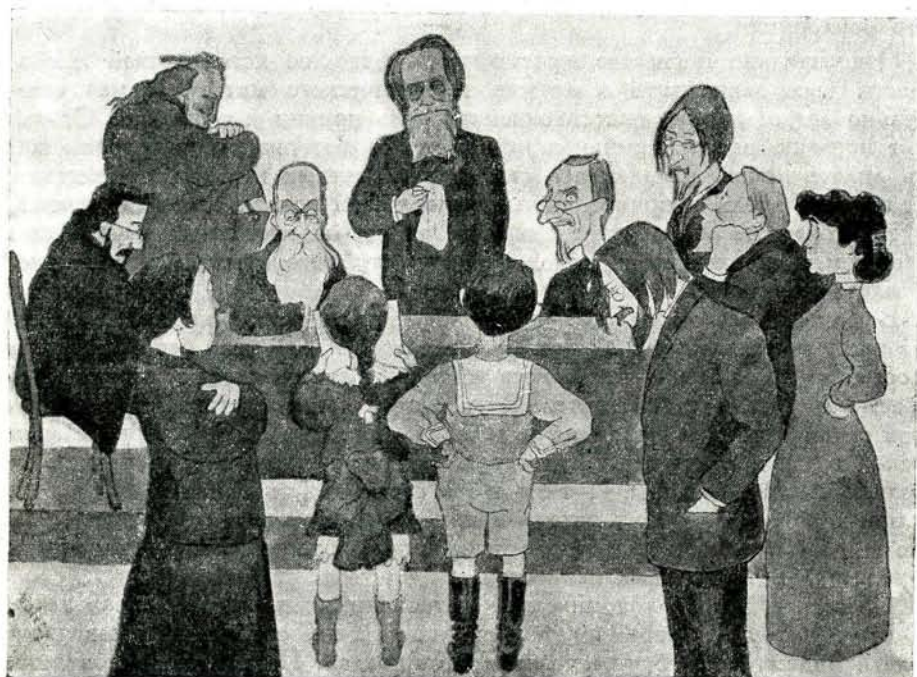
* К чести гр[афа] Л. Толстого я должен отметить следующий факт; несколько человек рабочих пришли к нему с мучительным вопросом: что делать им в их тяжелом положении; Лев Николаевич подробно расспросил их о фабричном житье-бытье, которое рабочие характеризовали «невозможностью сохранить образ человеческий»; после горячих сочувственных слов Лев Николаевич сказал им: «Боясь, что мое учение не поможет Вам и Вашей жизни; я бы советовал Вам прочитать «Идею рабочего сословия» (напечатанную в «Современнике») и пр.; это большое подходит к Вашей жизни, чем мое учение». (Примечание Н. Федосеева.)

лении встречаются в разных его сочинениях. Но самый важнейший труд — «Происхождение семьи, собственности и государства в связи с воззрениями Моргана». Это «в связи» чрезвычайно замечательно. Книга Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономич[еского] материализма, и совершенно независимо от него²⁶. Но Маркс и Энгельс «примкнули» к исследованиям Моргана, видя в нем дополнение или вернее распространение своей теории на доисторические времена. Но исследования Моргана начинаются с такого исторического или, вернее, доисторического периода, когда общество еще не делилось на классы и нет, следовательно, классовой борьбы, и когда производство материальных ценностей находится в зародышевом состоянии, что о всеопределяющем значении его формы не может быть и речи. Поэтому явилась следующая поправка или дополнение к формуле материалистического понимания истории. По материалистическому воззрению определяющим моментом в истории является в последней инстанции производство и воспроизведение жизни, а оно двояко. С одной стороны, производство средств к жизни, — с другой, производство самого человека, продолжение рода. Великая заслуга Моргана состоит в том, что он нашел ключ к важнейшим, дотоле неразрешенным загадкам древней греческой, римской и германской истории. Итак, в конце 40-х годов было открыто и совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания. Но теория Дарвина явилась во всеоружии подавляющей массы фактического материала, тогда как творцы экономического материализма, в момент провозглашения своей теории, были, по собственному сознанию, недостаточно сведущи именно в экономической истории. Следовательно, эта теория менее всего может претендовать на научное происхождение. Несмотря на войну ее творцов с метафизикой, она родилась вне науки, именно в недрах гегельянской философии. В полемике с Дюрингом Энгельс много усилий потратил для постановки политической власти на экономический пьедестал и без сомнения высказал много верного, хотя вопрос этот нельзя считать исчерпанным; в другом месте Вы высказываете несколько иной взгляд на это сочинение: тут можно найти только остроумные попытки высказаться мимоходом, да иначе и не могло быть в полемическом сочинении. В полемическом сочинении Энгельс еще раз сознается, что «политическая экономия, как наука об условиях и формах, в которых происходят производство, обмен и распределение ценностей, еще подлежит созданию. Все, что мы до сих пор от нее получили, ограничивается почти исключительно зарождением и развитием капиталистического производства: она начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена, указывает на необходимость замены их формами капиталистическими, развивает, затем, законы капиталистического производства и оканчивается их критикой»²⁷.

Словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма, как исторической теории, и, может быть, найдется еще не мало неразрешенных ею загадок и кроме древней истории Греции, Рима и Германии.

Немудрено, что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю спустя 40 лет после ее провозглашения, древняя греческая римская и германская история оставались неразрешимыми загадками, и ключ к этим загадкам был дан, во-1-х, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, во-2-х, при помощи не экономического фактора. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества

многие века складывалась не по этой формуле, и проводит в будущем прекращение классовой борьбы и всеопределяющего значения форм производства. Вот все, что сделал Энгельс для теории экономического материализма. Затем следуют более или менее самостоятельные, напр., Кауцкий и, наконец, должно быть, уже не настоящие марксисты, которых, однако, очень много как в самой Германии, так и вне ее.

РАННИЕ РУССКИЕ МАРКСИСТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ БУРЖУАЗНОГО КАРИКАТУРИСТА
«Марксисты на сорокалетнем литературном юбилее Н. К. Михайловского» —
карикатура В. Каррика (1900 г.)

За столом слева направо: В. А. Розенберг, С. Н. Южаков, П. И. Вейнберг, Н. К. Михайловский, В. А. Мякотин, Л. Ф. Пантелеев и Н. Ф. Анненский. На переднем плане: А. М. Калмыкова, П. Б. Отуве и М. И. Водовозова

Впереди стола «марксиста» (говорящие Михайловскому): «Хотя мы и не согласны с вами в убеждениях, но все-таки примите наши поздравления»

Музей Революции СССР, Москва

Итак, теория экономического материализма никем не доказана, никем не проверена. На это указывают и весьма благосклонные к ней гг. Вейсенгрюн и Николаев²⁸.

Затем Вы бросаете два-три примера недочетов теории экономического материализма. Экономич[еские] материалисты не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Напр., эти теоретики указали, что институт наследства немислим без продуктов производства, передаваемых по наследству, но не указали, что он немислим без продуктов детопроизводства, получающих наследство, — без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает. Далее. Родовые связи, хотя и побледневшие в истории цивилизованных народов, однако пробуждают иногда страшного демона национальной вражды до сих пор, не говоря уже о более ранних исторических периодах, и как вместе с тем противоречат иногда его пробуждению всякой классовой борьбы, об этом свидетельствуют недавние европейские события. Основанное Марксом Международное общество рабочих, организованное в целях классовой борь-

бы, не помешало французским и немецким рабочим в момент национального возбуждения резать и разорять друг друга.

Вы утверждаете, что в истории существует вообще много случаев, когда тот или другой процесс внутренней работы общества обрывался и получал совсем иное направление благодаря случайным осложнениям международного характера. Затем говорите, что идея исторической необходимости существовала ранее Маркса и его теории, чего знать будто бы не хотят его поклонники.

Относительно прошлого выдержать эту теорию исторической необходимости (все равно хоть в одежде экономического материализма) сравнительно легко: налицо вся законченная цепь причин и следствий. Однако и тут историк, работающий над историческим материалом, в котором когда-то лилась кровь, раздавались стоны побежденных и клики торжества победителей, зрели и приносили плод высокие и подлые мысли и чувства, и тут историк не обойдется с одной исторической необходимостью. А в настоящем, в практических делах на одну эту историческую непреложность сослаться нельзя.

В фантастическом царстве, где метафизические тени явлений заслоняют от нас самые явления с их цветом и запахом, красотой и безобразием, подлостью и величием, — нет героев и толпы, а есть только равно необходимые люди. Но в действительности Маркс и марксисты представляют собой героя и толпу. Анализируя условия, при которых в истории слагается такая толпа и являются такие герои, мы очень часто найдем в числе их и экономические факторы. И тем не менее это явление *siu generis**, ключ к которому можно искать и при помощи политической экономии, но не в ней самой и в том отделе психологии, который занят мотивами производства материальных ценностей.

Словом, в науке экономический материализм просто не оправдал себя, и этим достаточно объясняется его неуспех, особенно бросающийся в глаза рядом с блестящим успехом «Капитала». Правда, теория эта имеет огромную массу сторонников среди рабочего класса; но успех теории, в критически-непроверенном виде, лежит не в науке, а в житейской практике, устанавливаемой перспективами в сторону будущего. Перспективы эти не требуют от усвоющих их немецких рабочих и принимающих горячее участие в его судьбе ни знаний, ни работы критической мысли.

Рост и политическая дисциплинированность немецких рабочих придают в свою очередь отраженный блеск теории экономического материализма.

Вот Ваши возражения против теории экономического материализма! Кроме нескольких крупных противоречий Ваших слов с излагаемыми фактами, я заметил в них еще некоторое стремление предъявлять слишком большие требования к этой науке и извратить ее значение в современной жизни, где она является руководителем движения, в его «телесном виде».

Посмотрим на дело ближе, и притом не враждебно.

«Манифест» — это первая замечательная формулировка того, что начало «совершаться на глазах людя того времени»; принципы, положенные в основу этой великой книги (мал золотник, да дорог!), представляли собой лишь общее выражение социальных отношений, соответствующей силы борьба классов. Ядро теории экономического материализма «Манифеста» составляют идеи научного социализма, формулировка довольно ярко обнаружившейся тогда истины, что текущая общественная жизнь представляет собой перипетии классовой борьбы. Следовательно, теория экономичес[кого] материализма вызвана к жизни классовой борьбой пролетариата. На эту сторону было обращено более всего внимания авторами:

* Чистое место, чистая доска.—Ред.

«Манифеста». В этом виде экономический материализм, как философская система, до сих пор не поколеблен; и, очевидно, этот пункт этой теории решительно не допускает возможности принятия этой философской системы со стороны либеральных и радикальных буржуазных государственных деятелей и людей науки. — Авторы «Манифеста» с самого начала высказали вполне определенную мысль, что борьба классов не является специфическим явлением текущего исторического процесса. Они тогда уже могли сказать: «История всех донныне существовавших обществ есть история борьбы классов». По отношению ко всем существовавшим обществам это утверждение, разумеется, было более или менее вероятной гипотезой. Но авторы далее указывают, какие именно общества изучены ими: «Свободный и раб, патриций и плебей, средневековый барон и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, угнетатель и угнетаемый — находились в вечной вражде друг с другом, вели непрерывную борьбу, то скрытую, то явную борьбу»²⁹. — Я не думаю, чтоб у К. Маркса и Энгельса не было перед глазами фактических данных для обосновки той ее части, в которой она высказывается в цитированных словах.

Теория экономического материализма, чтоб стать всеобщей философско-исторической теорией, должна была подвергнуться проверке на всех известных исторических фактах, имеющих важнейшее значение в последовательном развитии обществ. Но, по собственному признанию Ф. Энгельса, тогда у них не было достаточного количества сведений по всемирной экономической истории. Ф. Энгельс сам отметил этот недочет. — Таков генезис теории экономического материализма. Дальнейшее развитие этой теории — с самого начала обоснованной фактами современной действительности и известными фактами ближайшего и отдаленнейшего прошлого европейского Запада — подчинялось исключительно настоятельнейшим запросам живой жизни. Главным стимулом как возникновения ее, так и дальнейшего развития было желание точнее формулировать принципы начавшегося революционного движения пролетариата. К. Маркс дал «несколько блестящих страниц» в «Капитале», представляющих собой глубокий анализ ближайших исторических фазисов (Англии и Германии) с точки зрения теории экономического материализма. Он более детально, чем в «Манифесте», проследил здесь разложение старого феодального общества и зарождение в его недрах нового, буржуазного, и первоначальное развитие этого последнего; но исключительно в области экономических фактов.

В более ранних и позднейших сочинениях то же самое было сделано им относительно роли буржуазии в политическом и духовном развитии. Итак, теория экономического материализма с самого начала имела право называться теорией по отношению к настоящему и ближайшему прошлому истории.

Но как всеобщая философско-историческая теория, верная по отношению к всемирной истории, она нуждалась в подтверждении всемирно-историческими фактами; до тех же пор она была блестящей по глубине мысли, стройности гипотезой уже по отношению ко всей доисторической жизни человечества и исторической жизни восточных народов, арийцев со славянством во главе, в особенности. Это прекрасно понимали сами К. Маркс и Энгельс. Сам К. Маркс заявил Вам, что он свою теорию возникновения и развития капиталистического производства считает верною ~~лишь~~ в приложении к западной истории.

Высшее логическое развитие теория экономического материализма получит только тогда, когда будет проверена на исторических фактах славянского Востока.

Но это и по отношению к доисторической жизни человечества и по отношению к истории славянских народностей и центрального Востока было

невозможно в эпоху «Манифеста» и «Капитала», было невозможно до настоящего времени.— Факты древнейшей истории нуждались еще в разгадке. Ключ к этой разгадке дала сравнительная этнография. Но этой науки до самого последнего времени не существовало, несмотря на обилие сведений о существующих и древних диких племенах и тех данных, касающихся доисторической жизни цивилизованных народов, которые заключаются в мифических поэмах, легендах и пр.

Морган собственным изучением быта краснокожих Сев[ерной] Америки оказал великую услугу в деле разрешения многих загадок доисторического быта цивилизованных народов и разъяснения нелепостей и противоречий в имевшихся этнографических данных.

«Моргану, а также Файзону, — говорит М. Ковалевский²⁰, — мы обязаны самым удивительным открытием, сделанным в области социологии в наше время» («Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété», Stockholm, 1890)³¹. Так что это «im Anschluss»³² Энгельса чрезвычайно интересно, но не в том смысле, какой Вы изволили ему придать. Были попытки Бахофена и Мак-Леннана³³ разгадать доисторический быт и понять существующий строй социальных отношений у современных дикарей. Попытки замечательные, но неудачные во многих отношениях. Я позволю себе напомнить Вам Вашу собственную работу об этом предмете, на основании данных, извлеченных Бахофеном и Мак-Леннаном (кажется).

Морган, кроме того, указал на экономические причины перехода от материнского рода к патриархальному (М. Ковалевский, «Первобытное право»). В том, что Энгельс внес поправку в первоначально сформулированную теорию экономич[еского] материализма при знакомстве с доисторическим временем, — я не вижу ничего удивительного. Я собственно не понимаю, почему Вы думаете, что Энгельс схватился за «производство самого человека» для удержания «словесной связи» с прежде сформулированной теорией? Я не понимаю, почему Энгельсу надо было устранить теорию экономич[еского] материализма по отношению к самой первичной эпохе общности, когда Морган, незнакомый с этой теорией, единственно благодаря тому, что все социальные отношения на первых ступенях общности слишком ярко обнаруживают свою зависимость от экономических условий жизни, приложил эту теорию? Впрочем, мое недоумение, может быть, объясняется незнанием с трудами Моргана.

Далее. Не совсем правильно утверждать, что при первоначальной формулировке теории экономич[еского] материализма, при обосновке ее фактами ближайшей исторической жизни, Маркс и Энгельс видели в истории только борьбу классов; они и тогда включали сюда борьбу сословий. Вскоре ее формулировали, как «борьбу состояний, сословий, классов». Более детальное изучение текущей жизни, как той, которая предшествовала ей, непрерывно совершается и в настоящее время. Весьма ценные вклады в этом смысле сделали Кауцкий, сам Энгельс и многие другие (на видном месте следует поставить и не-«экономического материалиста» М. Ковалевского; его недавние работы по английской и французской истории представляют для нас во многих отношениях выдающийся интерес). Теория экономического материализма по отношению к минувшим историческим временам, и особенно отдаленнейшим, не встречает такого почти всеобщего отрицания со стороны «людей науки», как теория научного социализма (т. е. теория экономич[еского] материализма, касающаяся современной текущей жизни). Принять эту теорию, со всеми ее логическими последствиями, для буржуазных ученых и государственных деятелей — значило бы превратиться в социал-демократов или... в «буддистов-нирванистов», а ученые и государственные деятели en masse* на это не согласны.

* В массе.—Ред.

Но обоснована ли теория экономического материализма «исключением других философско-исторических теорий»? Это опять-таки сделано, как и все в этой науке, постольку, поскольку дело касалось новейшего времени, т. е. опять-таки экономические материалисты прибегали к науке не для науки (не для собирания фактов и самодовлеющих операций с ними), а под давлением мучительных запросов времени. Если Вас все-таки не удовлетворяет то, что сделано экономическими материалистами в этом отношении, со стороны «сколько-нибудь достаточного анализа других философско-исторических систем», — то это происходит потому, что Вы заявляете собственное свое *petitio principii**, но принять его для экономических материалистов будет обязательно только в том случае, когда Вы докажете, что они ошиблись, доказывая, что современные идеи и идеи ближайших исторических моментов лишь выражение материальных условий производства. Вот если Вы это докажете анализом современных социальных явлений, то экономические материалисты, вероятно, охотно займутся подробнейшим анализом всех существующих и существовавших философско-исторических теорий и напишут что-нибудь вроде кареевской истории философии. А пока это совершенно излишнее дело. Анализируя ближайшие и современные экономические, политические и идеологические явления и обосновывая теорию экономического материализма, К. Маркс в «Манифесте», «Капитале», в «Нищете философии» и в других произведениях «исключил» философские системы утопистов и философские системы господствующих классов. В полемике с Дюрингом Энгельс блестяще отверг теорию «чистой политики» и указал на экономическую подкладку политической власти. Новейшие работы экономистов-материалистов продолжают эту работу.

Так вот каким представляется мне действительный ход развития теории экономического материализма и самой науки. Законченное здание экономического материализма и точная формулировка самой теории явятся не прежде, чем будут изучены исторические формы народностей, ускользавших до сих пор от изучения, и не прежде, чем история каждой страны будет изучена, с точки зрения экономического материализма, от начала до новейшего времени. Как на примеры подобных работ, я могу сослаться на книжки Джиббинса и Эшли (с трудами Роджерса я, к сожалению, не знаком)³⁴; первый даст сжатый, но очень полный и яркий очерк всей истории Англии; второй — подробное исследование средневековых форм английского производства.

Поставить в вину теории экономического материализма, что она не вышла на свет божий готовой, а долго развивалась и еще будет развиваться, разумеется, нельзя. Огюсту Конту ставят в вину, что он, «создавая величественное здание науки на данных, не достаточных для этого, не имеющих характера общности, который предполагал в них творец позитивизма, ибо только один романско-католический мир был доступен его исследованиям»³⁵, не сделал оговорки относительно этого весьма понятного пробела. Но это не мешает последователям О. Конта называть его «творцом величественного здания науки». Творцам теории экономического материализма мы не можем поставить в вину даже этого, потому что они сами указывали на пробелы в своей теории и пополняли их при первой возможности. — Я совершенно не понимаю Вашего желания видеть теорию экономического материализма обоснованной такой же «подавляющей массой исторических фактов», как теория Дарвина. Едва ли требуется такое мелочное перечисление фактов, касающихся главнейших исторических моментов; а, ведь,

* Аргумент на основании вывода из положения, требующего доказательств. — *Ред.*

³⁴ М. Ковалевский, *Tableau des origines et de l'évolution*. (Примечание Н. Федосеева.)

и у Дарвина нашлось много положений и выводов, обоснованных на недостаточном количестве фактов, вполне обоснованных только преемниками его. И вот эта теория экономического материализма получила широкое распространение среди рабочего класса всего цивилизованного мира. Верно ли Ваше утверждение, что принявшие ее рабочие не понимают ничего в деле знания и критической мысли? Это мнение не новое, его на разные лады повторяют и гг. Евгении Рихтеры, Бахелзы, Герфурты, Дюпюн и многие наши отечественные «ученые». Я не буду утверждать, что всех или большинство рабочих социал-демократов особенно интересует знание древней жизни человечества, что они компетентны в этой сфере и обладают в этом отношении научным критическим мышлением. Но я могу заверить Вас, что раз рабочие начинают мыслить и анализировать критическою мыслью современную социальную жизнь, то никакое обаяние Фр. Энгельса, Либкнехта и Бебеля не заставит их признать ложь за правду, тем более, что враги научного социализма в массе брошюр, лекций, памфлетов и даже в парламентских речах стараются доказать его ложность.

Нет! Громадный успех научного социализма объясняется тем, что он ясно, правдиво анализировал текущую жизнь и формулировал принципы движения, основанного на происходящей в недрах общества экономической эволюции. Лишь только рабочий начинает мыслить, начинает критически относиться к окружающей его действительности — он принимает принципы научного социализма. И ни в одной из существующих в Германии партий, даже по свидетельству принца Королата Шейнаха, нет такой массы идеалистов, как в социал-демократии; эта партия насчитывает в своих рядах «бесчисленное множество идеалистов». Да так и всегда было, что люди, — которых в старину считали «великими», одаренными божественным разумом и проникательностью, — формулировали насущнейшие интересы или господствующих сословий и классов, или экономически-подчиненных. И никакая требовательная наука, если она не будет фальсифицировать исторических фактов, не докажет, что какой-нибудь «бунтовщик», вождь народной массы, не точно, ложно формулировал важнейшие интересы шедшей за ним массы или искажал смысл современной ему жизни, или что какой-либо «великий человек» господствующего класса «не-научно» формулировал и осуществлял его интересы. Но научный социализм имеет не только характер точного, ясного выражения интересов подчиненного класса, но представляет собой «последнее слово» социальной науки (экономической, исторической, философской) и этики. Эта последняя черта составляет специфическую принадлежность научного социализма, как и идеологии современного подчиненного класса. Она обусловлена характером материальных условий современного производства, при котором пролетариату принадлежит революционная прогрессивная роль. С точки зрения философско-исторической теории экономического материализма возможно было наметить главнейшие черты современного обоюдоострого процесса. И многое из того, что было намечено «Манифестом» и «Капиталом», блестяще подтвердилось дальнейшими событиями. Экономические материалисты с таким же научным правом, как и всякие другие позитивисты социологи, имели право формулировать исходные пункты современной общественной эволюции, поскольку она обнаружила свой характер и тенденции. Важнейшие из таких законов, установленных научным социализмом, следующие: овладение рабочим классом орудиями и средствами обобществленного производства; уничтожение социальных классов; уничтожение государственной власти (которой, все-таки, в качестве «диктатуры пролетариата» в той или иной форме, будет принадлежать роль «повивальной бабки» при появлении на свет нового общественного строя); объединение пролетариата всего мира. Экономические материалисты, разумеется, не

Политического деятеля
на Николая Евграфовича
Федосеева

Прощение

В докладе к моему правду и во всем Преподобнейшему о разрешении или несправедливости на свои сестры, я и мои сестры уверовали в нас Преподобнейших, что могу отменить путь в оба конца и никогда одного конвоира и другого не видеть. Мои будущие призываемые к концу и к концу не будут.

Николай Федосеев

21 мая 1898 года

ПРОШЕНИЕ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА ВО ВЛАДИМИРСКОЕ ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОТ 21 ДЕКАБРЯ 1898 г.

Владимирское Отделение Центрархива

утверждают, что на земле, с победой пролетариата, наступит «мир и в человеках благоволение», т. е. абсолютное счастье; но они с научной вероятностью указали на то, что будущее общество избавится от фатального подчинения объективным условиям экономической жизни, и на уничтожение тех сторон современного строя, которые вызывают наибольшую сумму страданий. Вы говорите: «Оправдается ли прорицание исхода капиталистического строя или нет, покажет будущее, но так как ничего подобного история человечества не видала до сих пор, то во всяком случае не на данных исторического опыта и исторической науки это пророчество опирается»³⁵. Это чрезвычайно интересная фраза! Даже г. Евгений Рихтер, ожесточенно нападая на социал-демократов, не забывает, в азарте полемики, что для успешности борьбы надо всегда иметь в виду точку зрения противника³⁶. Научные социалисты на основании анализа выяснившегося характера современной экономической и политической эволюции намечают исходные пункты капиталистического процесса. Изучение минувших исторических эпох, с точки зрения экономического материализма, во-1-х, указало на то, что классовая борьба служила орудием исторического процесса; во-2-х, дало возможность выяснить причины и следствия побед и поражений борющихся социальных групп. Исторический опыт в этом смысле дает уверенность относительно настоящего и будущего. Разумеется, какой-нибудь катаклизм может все уничтожить. Но возможность катаклизмов в истории мы отрицаем. Конечно, возможно, что «луна сядет к нам на нос» и нос раздавит; но об этом мы не беспокоимся... Но может быть «таркой» подготовлен «злодей, готовый на все преступления» —

И ей за услугу оплатит злодей,
Погибелью многих и многих людей,
Он царства разрушит, погубит народ,
И сам на обломках бесславно падет.

Это очень возможно, этого можно ожидать, и мы вполне разделяем опасения наших западных товарищей относительно возможности, что подоб-

ный «тиран на престоле» надолго замедлит общественный прогресс Запада.

Резюмируя Ваши возражения против экономического материализма, я пропустил следующее: «Надо заметить, что основы экономического материализма не составляют в нашей литературе какой-нибудь новости. Они доходили до нас еще в 30-х, 40-х годах из Франции, от Фурье, потом Луи-Блана, а в 60-х годах они излагались и в нашей литературе; не в форме, правда, нынешнего немецкого экономического материализма, а в форме более общей мысли о зависимости политической и вообще духовной жизни от экономических условий. Знали мы и о классовой борьбе буржуазии с феодальным строем и пролетариата с буржуазией». Совершенно верно, попытки поставить экономические условия во главе или на первом плане при изучении всех или некоторых исторических явлений появились на Руси, как и на Западе, ранее экономического материализма; но только не от Фурье и Луи-Блана они перешли к нам, а от «экономистов-фаталистов». В № 13 «Телескопа» за 1833 г., в статье В. П. Андросова, я читаю следующие строки: «Изучая историю гражданских обществ, мы замечаем те многообразные изменения, кои с течением времени совершаются в вещественном их бытии, политическом устройстве и умственном состоянии. Народ во всякое данное время состоит из единиц; но мысль, идея, проникающая [весь] состав сей массы, дающая ему движение, жизнь, изменяется непрерывно. Поколения, следуя одно за другим, делаясь участниками жизни и общественной, находят обстоятельства, непостижимо образующиеся, которые мало-помалу производят понятия, мысли, для предшествовавших поколений не существовавшие. Идеи сии, приобретши зрелую ясность и догматическую важность, развившись до отдаленных пределов народного смысла, становятся в свою очередь факторами последующих событий, силою, рождающею внутреннее соотношение стихий общества. Эту непрерывающуюся изменяемость, этот неизбежный, неудержимый ход в жизни политической народа называют в наше время довольно выразительно, хотя и не совершенно точно, развитием гражданственности (курсив автора). Черта, или степень, до которой достигли в наше время различные гражданские общества, внимательно рассмотренная, открыла такие сведения и о таких политических (общественных) предметах, которые до эпохи образования сей степени или только что зачавшиеся не могли быть замечены или, большая часть, вовсе не были известны. Политические события, возникшие из движений сего развития, указали в наше время, между прочим, и на то, какое важное участие в судьбе народов производит мера тех средств, которыми они в состоянии располагать для удовлетворения разнообразных частных и общественных потребностей, и какое окончательное решительное влияние имеет она на благо и бедствия народные. По свойству сих (политических) * событий не трудно было заметить, что мера и количество сих средств составляют прямую и относительную силу государства, а потому это естественно должно было навести ум на исследование источников сих средств; на причины, ускоряющие или задерживающие образование оных; на те законы, по коим средства распределяются между членами общества» (это, по автору, причины возникновения новой науки «политическо[й] экономии» и предмет ее, стр. 3—5). Характеризуя «состояние экономии политической» в Германии, автор констатирует, что она окружена большою частью мраками и туманами». «Жизнь Германии, заключенная относительно еще много в ржавых готических формах, мало представляя предметов, коими можно было бы пополнить, поверить или пояснить содержание науки, не более допускает

* В скобках в обоих случаях вставлено автором письма. — *Ред.*

и откровенности» (№ 14, стр. 129)³⁷.—Постановка экономических явлений на первый план при изучении социальных явлений была сделана Заблудким-Десятовским в приложении, с точки зрения крепостного господствовавшего класса,—к той системе социальных отношений, которая составляла собою крепостное право. — В «записке»... 1841 г. («Гр. Киселев и его время», в IV т., стр. 271—272) названный автор говорит: «Вопрос о крепостном праве решить легко, восходя к понятию о человеке и его достоинстве. На этот взгляд, при всей своей справедливости, может для многих казаться выпрененным или, как обыкновенно говорят, умозрительным... Но если бы можно было доказать, что такое отношение неблагоприятно, невыгодно, то этот довод действовал бы и тогда, когда другие казались бы неуспешными»³⁸. Поэтому он обращается к анализу изменившихся материальных условий крепостного товарного хозяйства и доказывает, что крепостное право не может существовать, ибо оно невыгодно «для кармана всех» (а не то что «невыносимо для личности многих») («Причины колебания цен на хлеб». Отеч[ественные] Зап[иски] 1847 г., т. VII, кн. 1, стр. 2—3). Автор указывает «на многие обстоятельства, непостижимо образовавшиеся, выражаясь словами В. П. Андросова, и мало-помалу производившие новые понятия, мысли у господствовавшего класса о вреде крепостного права и необходимости его уничтожить известным образом. Затем, действительно, проникли в Россию экономические теории «великих утопистов», но в смысле противоположения экономических отношений политическим и предпочтения первых вторым. Наконец, в начале 60-х годов Чернышевским были написаны «Июльская монархия» и «Труд и капитал»; в высшей степени замечательные статьи. Но как Чернышевский понимал борьбу пролетариата, видно из того, что он называет его «язвой, разъедающей западную цивилизацию», а в «поземельной собственности» говорит, что «начавшееся движение пролетариата имеет цель применить начала товарищества к труду»³⁹. У В. Белинского выразилось более горячее отношение к пролетариату: «Народ французский, — писал он, — не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова, значение которых для него темно, и за людей, которые его любят только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтобы воспользоваться некупленным теплом... И теперь у фр[анцузско]го народа есть истинные друзья: это люди, которые сляли с его судьбою свои обеты и надежды, и которые добровольно отреклись от всякого участия на рынке власти и денег... Их добросовестный энергичный голос страшен продавцам, покупателям и акционерам администрации — и этот голос, возвышаясь за бедный обманутый народ, раздаётся в ушах административных антрепренеров, как звук трубы судной»...⁴⁰ — Так что экономический материализм, как теория научного социализма, — явление новое на Руси. В качестве руководящего принципа революционной деятельности он мог явиться всего несколько лет тому назад.

Итак, Ваше утверждение, что экономический материализм «не свел счетов с историей», не верно в том смысле, какой заключается в Ваших словах. — Теория экономического материализма с самого начала была обоснована историческими фактами; развивалась постепенно, как и всякая другая научная теория; мыслители, впервые формулировавшие ее, хорошо понимали, что недостает ей, чтоб стать философско-исторической теорией; они при первой же возможности пополнили важные недочеты как в обстановке теории экономического материализма, так и в более точной ее формулировке; но она продолжает развиваться и получит окончательную формулировку только после изучения, с точки зрения экономического материализма, истории восточных народов, в том числе славянства, и детального изучения истории каждой страны.

Ваши утверждения: «может быть» найдется еще не мало загадок; экономическая сторона процесса превращения феодального общества в буржуазное—предмет, «конечно, не исчерпанный» в «Капитале»; вопрос о зависимости политической власти от экономических отношений «нельзя считать исчерпанным» в полемике Энгельса с Дюрингом; все эти утверждения, разумеется, не поддаются возражениям.

Теперь перейду к тем недочетам, на которые Вы указываете вполне определенно.

Теория экономического материализма не свела счетов с психологией. Это для меня не совсем понятное требование. Я думаю, что психология, как и физиология и т. п. науки, не имеют классового характера. Вопрос о «героях» и «толпе» — из области психологии. Но «герой» Дюпюи воздействует по одинаковым законам на буржуазную палату, как и «герой» Бебель на «толпу» социал-демократов. Говорят еще о «психологических факторах», психологическом воздействии; «напр., крымская катастрофа имела психологическое воздействие на русское общество, ярче представила перед всеми мыслящими людьми тот факт, что крепостное право — тормоз, оковы всей жизни»; но этот вывод был подготовлен массой фактов, вызванных к жизни изменившимися материальными условиями крепостного товарного хозяйства; катастрофа послужила только новым ярким фактом.

Вы говорите далее, что экономические материалисты, исследуя институт наследства, указали, что он предполагает существование производства продуктов, но «не указали», что «он немислим без продуктов детопроизводства». Согласен, что это непростительный пропуск! Но далее Вы пишете, что вместе с тем они пропустили и ту сложную и в высшей степени напряженную психику, которая примыкает к продуктам детопроизводства. Это замечание едва ли вполне основательно. Если я не ошибаюсь, Вы говорите о семейно-половых отношениях. Если так, то из всех трактатов об эволюции семьи известно, что как отношения мужчины к женщине, так и к детям непрерывно развивались. Семейно-половая психика имела резко специфические формы, соответствующие различным формам семейно-половых союзов. Так что на экономических материалистах лежала обязанность доказать, что семейно-половые союзы эволюционировали на базисе материальных условий экономики. Но я могу указать на статью г. Поля Лафарга (в «Nouvelle Revue» 1886 г., 15 марта, «Le Matriarcat»)⁴¹, автор касается внутренней психической стороны семейно-половой жизни на различных ступенях развития; статья эта, правда, не блестящая. Зато в трудах «неэкономических материалистов» я нахожу яркую картину внутренних психических отношений «большой семьи» и некоторых других семейно-половых форм. Например, в труде М. Ковалевского «Современный быт и древний закон»; для примера могу указать на любопытный очерк «Семейной общины на Урале» Пономарева (в Сев[ерном] Вестн[ике]), где тот обосновывает экономическими причинами разложение прежних психических связей в «большой семье» и ее разложение. — Затем Вы указываете на ожесточенную резню в момент национального возбуждения между французскими и немецкими рабочими, несмотря на существование «Международного общества рабочих», — как на факт, противоречащий теории экономического материализма. Не входя в подробное обсуждение указанного Вами случая, в связи с «Международным обществом рабочих» того времени, я укажу на замечательный исторический факт, что 70 тыс. немецких рабочих заявили французским рабочим, что ни тром пушек, ни победа, ни поражение не заставят их отказаться от дружбы с французскими рабочими; от сознания общности интересов; от убеждения, что французская и немецкая буржуазия для них одинаковые, общие враги. «Герой» этой 70-тысячной «толпы» Бебель поплатился 3—5-летним за-

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ
 Фотография 1893 г., Владимир
 Музей Революции СССР, Москва

ключением в Шпандау Если резня все-таки произошла, то этот факт имеет ту же причину, что и невозможность для пролетариата при настоящей классовой организации уничтожить современное государство.

Наконец, остается Ваша фраза: «В фантастическом царстве, где метафизические тени явлений заслоняют от нас самые явления, с их цветом и запахом, красотой и безобразием, подлостью и величием, — нет и героев и толпы, а есть толь[ко] равно необходимые люди. В действительности же, Маркс и марксисты — «герой и толпа». А выше несколько Вы писали: «Историческая необходимость, хотя бы в форме экономического материализма, не годится для исследования прошлого, где лились горячая кровь и пр.; а в практических делах на одну ее уже совсем сослаться нельзя».

Мы не думаем, что Маркс или марксисты развенчали «героев», — это сделали буржуазные ученые. Наиболее блестящим противником «культа героев» мне кажется Герберт Спенсер; ему же принадлежит заслуга выяснения генезиса «героического культа».

Социал-демократия, действительно, не признает «героев» и «вождей»: она развенчала Бисмарка; и в то время, когда большинство немцев, поклонников железного канцлера, прорицало крушение германского «величия» с отставкой Бисмарка, — социал-демократы доказывали, что положение вещей ничуть не изменится. И они были и оказались правы.

Когда о настоящих вождах социал-демократии враги говорят, что они поклонники «красного Далай-Ламы» (К. Маркса) и «маленького Далай-Ламы» (Энгельса) и сами Далай-Ламы для «толпы» бессмысленных, легковверных рабочих, то Бебель и Либкнехт говорят, что дела пошли бы так же, если бы их не было на свете, если б их всех уничтожили. — Что Вы хотели сказать словами: «В текущих делах на одну историческую необходимость сослаться нельзя» — я не пойму. Когда социал-демократы говорят, что они не «герои», и ссылаются на историческую необходимость, то, во-1-х, не говорят ничего нелепого с научной точки зрения, а во-2-х, это придает невыразимую уверенность всем их действиям. Вот последнее-то Вам особенно не нравится... «Идеализм, действительно, изгнан из последнего убежища; понимание истории стало материалистическим». Но «критика, говоря словами К. Маркса, сорвала с оков украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы человечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком»...⁴³

Мы никогда не думали, что экономический материализм, как философско-историческая теория — первая попытка установить научную формулу исторического прогресса.

Вот, напр., новейшее определение прогресса, даваемое неэкономическими материалистами: «Прогресс, как мы понимаем его в настоящее время, может быть определен следующим образом: это непрерывный и самопроизвольный рост плодоносного зерна, посеянного много веков назад нашими предками. Идея сделать из чего-либо *tabula rasa* * и идея создать сразу новое государство, новую религию или новую мораль нам совершенно чужда. Но если современная идея эволюции отрицает возможность катаклизма, то она равным образом противостоит и всякому застою деятельности. Настоящее с ее точки зрения лишь условие будущего, которое должно преобладать во всех отношениях. Облегчить переход в лучшее состояние — вот та высокая задача, которая поставлена эволюционной философией практической жизни. Изучить прошедшее и настоящее, с тем чтобы на основании их изучить (предвидеть) будущее — такова величайшая ее заслуга в области теории»⁴⁴. Если хотите, мы можем гордиться, что эволюционная теория экономического материализма представляет собой самую ран-

* Чистое место, чистая доска. — Ред.

ную радикальную (в практической жизни) и блестящую по глубине мысли позитивную формулу прогресса.

* *

Итак, мы, русские марксисты, усвоили идеи научного социализма, как руководящие принципы активной деятельности — в виду изменившихся материальных условий социально-экономической жизни и под давлением настоятельнейших запросов этой жизни; мы приняли теорию экономического материализма потому, что она удовлетворяет всем научно-критическим требованиям. С тем неприятным для Вас фактом, что мы выбрали «героем» немца — К. Маркса, — придется примириться. Для смягчения Вашего патристического* негодования, я мог бы указать на то, что не мы одни, а «безжалостные теоретики» и рабочие всего цивилизованного мира усваивают идеи экономического материализма.

Мои возражения были уже окончены (кстати, я замедлил ими потому, что не мог скоро достать январ[скую] кни[жку] «Русск[ого] Бог[атства]», которое выписывается здесь в одном экземпляре, да и тот немедленно отсылается из города в уезд за 200 в[ерст], — когда я получил вторую книжку с Вашей статьей, посвященной марксистам, и именно со стороны критики философской части их теории; я отложил отправку настоящих листов, ожидая встретить в Вашей второй статье веские возражения и замечания. Оказалось, Вы тащите нас в туманную область метафизики. Не тащите, мы не пойдем туда! Во-первых, потому, что мы чувствуем отвращение к метафизике, и, во-вторых, потому, что если метафизика и была родной матерью экономического материализма (как и всякой философии), то счеты с ней сведены самым радикальным образом Марксом и Энгельсом; нас удовлетворяют эти счеты.

Николай Федосеев.

Сольвычегодск, 19 марта 1894 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федосеев имеет в виду свое письмо к Н. Михайловскому к 8 (21) ноября 1893 г.

² В своей статье «Литература и жизнь» («Русское Богатство», январь 1894 г.) Н. Михайловский, приводя большие отрывки из письма Федосеева от (21) 8 ноября 1893 г., нападая с идеалистических, субъективистских позиций на марксизм, пишет: «Ничего не тайна и никто не оспаривает, что за последнее время уровень нашей умственной и вообще духовной жизни сильно понизился. Понизился уровень знаний, критической мысли, энергии, восприимчивости, потусклили идеалы, выступили разочарования».

³ Федосеев приводит эту цитату из статьи Михайловского за 1892 г. «Идеалы и идолы». См. Соч. Н. К. Михайловского, 1909 т., т. 7, стр. 341, 350—351.

⁴ Федосеев здесь цитирует письмо из статьи Н. К. Михайловского. См. Соч., т. 7, стр. 759.

⁵ Федосеев имеет в виду статью Н. К. Михайловского «К. Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» (см. «Отечественные Записки, кн. 5, 1877 г., стр. 325).

⁶ Федосеев имеет в виду письмо К. Маркса к редактору «Отечественных Записок» в 1877 г., в котором Маркс писал: «Если Россия стремится стать нацией капиталистической по образцу западноевропейских наций, — а в течение последних лет она надедала себе в этом смысле много вреда, — она не достигнет этого, не преобразовав предварительно доброй доли своих крестьян в пролетариев; а после этого приведенная раз на лоно капиталистического строя она подпадает под власть его неумолимых законов, как и всякая другая непосвященная (profane) нация. Вот и все!» (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 473).

⁷ Менделеев, Д. И. — знаменитый русский химик, который к тому же был одним из ученых идеологов и апологетов промышленного капитализма в России и его поступательного развития; Чупров, А. И. — экономист-статистик. По своим общественным воззрениям — помесь либерала с народником (см. Ленин, Соч., т. II, стр. 158, 248 и 646); Стебут, И. А. — известный русский профессор-агроном. Долгое время (до 1893 г.) был руководителем кафедры частного земледелия в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. Типичный буржуазно-капиталистический про-

* В «Русской Мысли» за 1892 г., июнь, стр. 189. Вы сами говорите, что Ваша полемика с К. Марксом «примыкает к длинной цепи дебатов, когда-то в другой форме наполнявших собою русскую литературу (споры славянофилов и западников)». (Примечание Н. Федосеева.)

грессист в области ведения сельского хозяйства и сельскохозяйственного образования (см. Ленин, Соч., т. III, стр. 12, 130—155); Скворцов, А. И.—буржуазный агроном-экономист, профессор. Ленин неоднократно критиковал Скворцова, называя его «пошлейшим буржуем, и ничего больше» (см. Ленин, Соч., т. I, стр. 113, 353—355, 379, 554).

⁸ Федосеев имеет в виду подсчеты Скворцова в его книжке «Экономические причины голодовки в России».

⁹ См. указанную в прим. 2 статью Михайловского.

¹⁰ Вольное изложение Федосеевым аналогичной мысли Михайловского из его статьи 1877 г. (см. прим. 5), которую он приводит в январской книжке «Русского Богатства» за 1894 г., стр. 118.

¹¹ В указанной статье (см. прим. 2) Михайловский цитирует и полемизирует с письмом не только Федосеева, но и с письмом за подписью «Марксисты». Эту статью имеет в виду Федосеев. Действуя методом «оглушения», Михайловский с апломбом отвечает авторам письма — «марксистам», — что он-де сам слышал, что «Маркс говорил о себе, что он вообще не марксист». Текст двух писем за подписью «Марксисты», откуда приводит Н. Федосеев слова и выдержки, см. в «Былое», кн. 23 за 1924 г.

¹² Федосеев цитирует здесь место из «Письма в редакцию» Михайловского, опубликованного в «Отечественных Записках» (июль 1883 г.) под псевдонимом «Посторонний».

¹³ Николай-он — псевдоним Н. Ф. Даниэльсона, экономиста 80—90-х годов, одного из наиболее ярких представителей народничества. Критику Николая-она см. в работах Ленина: «Что такое друзья народа», «Развитие капитализма» и др. (Соч., т. II, стр. 657).

¹⁴ Федосеев имеет в виду теорию нравственного долга цивилизованного меньшинства по отношению к страдающему большинству, развитую Лавровым в его «Исторических письмах», помещенных в «Неделе», а затем вышедших в 1870 г. отдельным изданием. П. А. Лавров например писал, что прогресс без «критически мыслящих личностей» «безусловно невозможен», «так как эти личности полагают обыкновенно себя в праве считать развитыми и так как за их-то именно развитие и заплачена та страшная цена, о которой говорено в последнем письме, то нравственная обязанность расплачиваться за прогресс лежит на них же». А поэтому прогресс по Лаврову — это семья, которое «зарождается в мозгу личности, там развивается, потом переходит из этого мозга в мозги других личностей, разрастается качественно в увеличении умственного и нравственного достоинства этих личностей, количественно в увеличении их числа и становится общественной силою...» (см. «Исторические письма», изд. 1870 г., стр. 66).

¹⁵ Дружкой-Сокольниковский — помещик-крепостник Смоленской губернии. Цитируемые Федосеевым строки написаны Дружкой-Сокольниковским в статье «Современное положение отечественной и сельскохозяйственной промышленности», напечатанной в январской книге «Вестника Европы» за 1897 г.

¹⁶ Перечисленные Федосеевым лица принадлежат к видным деятелям так называемой крестьянской реформы 1861 г. как из лагеря крепостников-либералов, так и крепостников-феодалов, которых буржуазная историография так много славословила и которых бичевал Н. Г. Чернышевский.

¹⁷ Федосеев здесь произвольно цитирует «Манифест». В целях воспроизведения равночтенных переводов мы воспроизводим из последнего издания Института Маркса-Энгельса-Ленина это самое место:

«Изобретатели этих писем, правда, видят противоположность классов, так же как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения».

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности, то они в то же время не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата. Они начинают искать общественную науку, общественные законы для того, чтобы создать эти условия.

Место общественной деятельности должна заступить их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения — фантастические условия, место постепенно совершающейся организации пролетариата в класс — организация общества согласно их собственному изобретению. Грядущая мировая история сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов.

Они, правда, сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса, как более всего страдающего класса. Только в качестве этого более всего страдающего класса и существует для них пролетариат».

«... Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях заключаются также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих».

«... Значение критическо-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает все более определенную форму борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление воз-

выситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Партиздат, 1932 г., стр. 43—44).

¹⁸ Слонимский, Л. З.—буржуазно-либеральный публицист. В тот период, о котором упоминает автор письма, Слонимский сотрудничал в «Вестнике Европы», где вел иностранный отдел и писал статьи по различным общественно-научным вопросам. Слонимский хотя и критиковал «субъективный метод» Михайловского, но как типичный буржуазный прогрессист был одним из русской плеяды «критиков» Маркса. Статья Слонимского, о которой говорит здесь автор письма, под названием «Крестьянские нужды и их исследователи» помещена в мартовской книжке «Вестник Европы» за 1893 г.

¹⁹ Федосеев имеет в виду то место из статьи Михайловского «Литература и жизнь» названной выше книги «Русского Богатства» за январь 1894 г., где он говорит о марксисте-эрителе, о пассивном марксисте и активном марксисте (см. «Русское Богатство», январь 1894 г., стр. 120—121).

²⁰ Воронцов — см. прим. 3 к первому письму; Юзов — псевдоним О. И. Каблицы, который от бакуниста-бунтаря пришел к реакционно-славянофильскому народничеству (см. Ленин, Соч., т. II, стр. 322, 332, 334).

²¹ Эпохой «диктатуры сердца» называется период управления Россией при Александре II Лорис-Меликова. Революционно-народническое движение напугало царизм, тем более что в «обществе» к народническому движению первое время относились благосклонно. Нужна была политика волчьих зубов к одним («революционерам») и лисьего хвоста к другим («обществу»). 12 февраля 1880 г. Лорис-Меликов был назначен председателем верховной распорядительной комиссии, а в августе — после роспуска ее — министром внутренних дел. Он сосредоточил почти всю административно-исполнительную власть в своих руках. Но «коронованный зверь» — Александр II — был убит революционными народолюбцами, после чего затеи Лорис-Меликова с конституцией были отброшены пришедшим к власти вместе с Александром III Победоносцевым. 7 мая «диктатор» получил отставку. На этот период падает ряд крупнейших стачек в Петербурге на Новой бумагопрядильне (2000 чел.), фабрике Беккера, на бумагопрядильне Кенига, табачной фабрике Шапшала; в Москве — на Московско-Курской железной дороге, заводах Шипова, Дила; в Серпухове — на фабрике Коншина; то же в Киеве, Иваново-Вознесенке и других городах. В результате этих стачек правительство 1 июня 1882 г. издало закон, воспрещающий труд детей моложе 12 лет, ограничивающий труд детей от 12 до 15 лет 8 часами, и другие регламентации. Фактически же дополнительные инструкции и разъяснения оставляли те же порядки, что и до закона 1882 года.

²² Стачка на Никольской мануфактуре — это знаменитая Морозовская стачка (село Никольское, Орехово-Зуевского уезда), происходившая в 1885 г., в результате которой был издан царским правительством закон о штрафах, об условиях найма и распорядка на предприятиях. Ряд требований рабочих фабрики Саввы Морозова вошел в закон 1886 года.

²³ Юзовский погром горнорабочих был в мае 1887 г. на рудниках Горного и промышленного общества близ Юзовки, Бахмутского уезда, Екатеринославской губернии. В прямой связи с этим бурным по своей сокрушительности погромом-протестом стоят первые в горной и горнозаводской промышленности законы — «Правила о надзоре за благоустройством на горных заводах и промыслах» в 1892 году. См. статью Новополина в «Летописи Революции» № 2—3 за 1923 г.

²⁴ Стачки хлудовских рабочих (бумагопрядильная фабрика братьев А. и Г. Хлудовых в Егорьевске, Рязанской губ.) возникла 25 мая и продолжалась до 8 июня 1893 г. Причиной стачки послужила попытка установить на весеннее перезаключение найма осенних (октябрьских) условий. Метод, который часто употребляют текстильные магнаты, добиваясь этим увольнения всех нежелательных и снижения зарплаты, так как предложение рабочих рук было всегда в избытке.

²⁵ Здесь идет речь о стачке рабочих текстильных фабрик г. Лодзи и Лодзинского уезда 20—29 апреля 1892 г. Стачке предшествовала большая революционная подготовка (19 апреля — 1 мая) к майскому выступлению. Между прочим тем и характерна эта забастовка (носившая в пределах лодзинского района всеобщий характер), что она связана с 1 маем, что пропагандистская и агитационная подготовка к стачке проведена польской революционной организацией «Пролетариат».

²⁶ Имеется в виду книга Моргана (Морган, Льюис-Генрих — американский этнограф, социолог и политический деятель, 1818—1881) «Ancient Society» («Первобытное общество»), вышедшая в 1877 г. Есть русский перевод, изданный в 1900 г. с предисловием М. Ковалевского.

²⁷ Цитата взята из «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса. В последнем издании Института Маркса-Энгельса цитируемое место переведено так: «Политическая экономия, — как наука об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и соответствующих способах распределения этих продуктов, — такая политическая экономия, в широком смысле этого слова, еще должна быть создана. То, что дает нам в настоящее время экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства: она начинается с критики остатков феодальных форм производства и обмена, указывает на необходи-

мость замены их капиталистическими формами, затем развивает законы капиталистического способа производства и соответствующих ему форм обмена с положительной стороны, т. е. поскольку они соответствуют интересам всего общества, и заканчивает социалистической критикой капиталистического способа производства...» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 5, Соцгиз, 1931 г., стр. 138—139).

²⁸ Имеются в виду суждения П. Вейзенгруна в его книге «Die Entwicklungsgesetze der Menschheit» («Законы развития человечества»), Leipzig, Wigand, 1888, и П. Ф. Николаева «Активный процесс и экономический материализм», изд. Солдатенкова, СПб., 1892 г.

²⁹ Перевод этого места из «Манифеста» в последнем издании ИМЭЛ приводится так: «Свободный раб, патриций и плебей, феодал и крепостной, цеховой мастер и подмастерье, короче — угнетатель и угнетаемый находились в постоянной вражде друг с другом, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу...» (см. «Коммунистический манифест», Партиздат, 1932 г., стр. 17—18).

³⁰ М. Ковалевский (1851—1916) — русский историк-социолог с мировым именем, автор очень многих трудов, после увольнения в 1887 г. с кафедры Московского университета уехавший за границу, где читал лекции в разных университетах, и вернувшийся в Россию после революции 1905 года. Ковалевский был чрезвычайно образованным человеком, но типичным эклектиком. В науке и политике он был идеологом либеральной буржуазии.

³¹ См. перевод М. Иолшина этих лекций М. Ковалевского, прочитанных в Стокгольмском университете. — «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (СПб., 1895 г., стр. 17).

³² Здесь имеется в виду труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства».

³³ Бахофен — немецкий социолог, автор книги «Muttersrecht» («Материнское право»), вышедший в Германии в 1861 г. (см. работу Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», изд. 1899 г., стр. 4); Мак-Ленан — немецкий историк, автор книги «Studies in Ancient History» («Изучение древней истории»), 1886 г. (см. работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, собственности и государства», изд. 1899 г., стр. 8).

³⁴ Эшли — автор книги «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией». Русское изд. в переводе Н. Муравьева вышло в 1897 г.; Роджерс — английский экономист, автор книг «Экономическое истолкование истории», «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век» и др.; они переведены и изданы на русском языке в 1899 г.

³⁵ У Н. К. Михайловского об этом в статье сказано так: «Относительно будущего несомненно ему (Марксу. — Ред.) (может быть вместе с Энгельсом) принадлежит предвидение или прорицание исхода капиталистического строя. Оправдается оно или нет — покажет будущее, но так как ничего подобного история человечества не видела до сих пор, то во всяком случае не на данных исторического опыта и исторической науки может это пророчество опираться» (см. «Русское Богатство», январь 1894 г., стр. 106—107).

³⁶ Рихтер, Евгений (1838—1906) — вождь немецкой либеральной буржуазии, член германского рейхстага с первого его созыва, крайне враждебно высказывавшийся по отношению к классовой борьбе пролетариата в своих литературных произведениях и в речах и ожесточенно полемизировавший с революционными представителями германской социал-демократии.

³⁷ «Телескоп» — московский журнал, издававшийся в 1831—1836 гг. Н. И. Надеждиным и выходивший сначала два раза в месяц, а с 1834 г. — еженедельно. Журнал был сторонником идей немецкой идеалистической философии, а в литературном отношении подготавливал почву для художественного реализма. В нем принимали участие Пушкин, Кольцов, К. Аксаков, Хомяков, Погодин, Шевырев, Белинский и др.

Цитаты приведены из статьи В. П. Андросова в «Телескопе» (№№ 13 и 14 за 1833 г.) «О предметах и настоящем состоянии состоянии экономии политической».

³⁸ У Заблужного-Десятковского сказано так:

«Конечно, сей вопрос (крепостное состояние. — Ред.) решить легко, восходя к понятию о человеке и его достоинстве. Но этот взгляд, при всей своей справедливости, может для многих казаться выпяренным или, как обыкновенно говорят, умозрительным.

... Но если бы можно было доказать, что такое отношение неблагоразумно, невыгодно, то этот довод действовал бы и тогда, когда другие казались бы безуспешными» (см. «Граф Киселев и его время», т. IV, стр. 271). Под этими последними доводами Заблужный-Десятковский разумеет доводы о моральной несправедливости крепостной зависимости.

³⁹ Статьи «Июльская монархия» и «Капитал и труд» (а не «Июньская монархия» и «Труд и капитал», как они ошибочно именуются автором письма) написаны Н. Г. Чернышевским в 1860 г. (см. Полное собрание сочинений, т. VI, СПб., 1906 г., стр. 53—150). Статью «О поземельной собственности» см. в т. III Собр. соч. Чернышевского, стр. 405—504.

⁴⁰ Приведенная цитата взята из статьи В. Г. Белинского.

⁴¹ «Nouvelle Revue» — политический, литературный и артистический журнал, выходящий под этим названием в Париже с 1879 г. каждые две недели; в нем очевидно и была помещена статья Поля Лафарга «Матриархат».

⁴² Автор имеет в виду франко-прусскую войну 1870—1871 гг. В июне 1870 г. при обсуждении вопроса о военных кредитах в рейхстаге А. Бебель и В. Либкнехт воздержались от голосования. В сентябре 1870 г. Брауншвейгский комитет германской социал-демократической партии, ставший на эту точку зрения по вопросу о войне, выпустил воззвание «Ко всем немецким рабочим», а Бебель в ноябре вновь выступил в рейхстаге против захвата французской территории и с требованием мира, а затем голосовал против военных кредитов. Поднятый буржуазией вой с обвинением Бебеля в том, что он «продался Франции», привел к аресту Бебеля.

⁴³ Цитата взята у Маркса из статьи «К критике гегелевской философии права» (см. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, изд. 1928 г., стр. 400, где цитируемое Федосеевым место изложено так: «Критика сорвала воображаемые цветы с цепей не затем, чтобы человек носил трезвые, безнадежные цепи, а затем, чтобы он сбросил цепи и срывал живые цветы»).

⁴⁴ Цитата принадлежит Н. К. Михайловскому.

3

Сольвычегодск.

27 февраля 1895 года.

Милостивый государь, г. Михайловский!

Покорнейше просим Вас, если возможно, разъяснить следующее «обстоятельство». — В «Русской Мысли» за 1892 г. (VI кн., стр. 192—193) Вы писали: «Лично я познакомился с Зибером, помнится, в начале 1878 года... Превосходный специалист по своей части, Зибер производил на меня впечатление настоящего неопита в философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство Маркса и Энгельса. Помню... аппетит, с которым он развивал известные иллюстрации к трехчленной гегелевской формуле, обаятельность которой я на себе испытал в юношеские годы». — Сопоставление выражений «превосходный специалист» в политической экономии и «настоящий неопит в философии», — кажется, дает право заключить, что на Ваш взгляд Зибер (в начале [18]78 г.) был профаном в области философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство М[аркса] и Эн[гельса]. — Далее Вы рассказываете, что, беседуя с Вами, Зибер при малейшей опасности укрывался под сень непреложного и непрерываемо-го трехчленного диалектического развития (196 стр.), а Вы пытались объяснить явления, о которых у Вас шла речь, другими, не столь общими и абстрактными способами. В конце концов дело было, впрочем, не в истории пшеничного зерна и не в мировых процессах (стр. 193). Зибер выставлен в этих воспоминаниях крайне жалким и смешным человеком. Не зная толком философии, он при малейшей опасности укрывался за триадой Гегеля¹.

Затем в февральской книжке «Русского Богатства» Вы предприняли атаку против «главной твердыни» марксистов — гегелевской триады; в заключение Вы высказали следующие знаменательные слова: «благополучия, которое должно произойти из капиталистического строя, мы еще не видали и должны в этом отношении верить на слово Гегелю или, вернее, известному применению его диалектики («Р[усское] Б[огатство]» 1894 г., кн. II, стр. 167). Надо сказать правду, Ваша статья надела нас (пишущих эти строки) на большое сомнение относительно Вашей способности вести серьезную полемику; мы знали о Гегеле и влиянии его философии на научную систему К. Маркса и Энгельса только через посредство этих последних и в «затруднительных случаях» даже в помыслах наших не укрывались под сень триады. — Ваша статья имела целью компрометировать марксистскую науку тем же путем, каким Вы компрометировали Зибера. Но такие приемы способны только насмешить кой-кого из читателей. Мы сказали, что целью упомянутой Вашей статьи было выставить марксизм

и марксистов в жалком виде — это документировано в 3-й книжке «Русск[ого] Бог[атства]» г. Южаковым, Вашим сотоварищем, следующими словами: «Читатели уже знают из упомянутой статьи г. Михайловского, плодом какой именно теоретической мысли является эта доктрина и насколько сильна аргументация высказываемого ею предвидения» (стр. 109)². — Марксисты за себя могли до некоторой степени «защититься», но за Зибером оставалась репутация легкомысленного человека. Но мы все же думали, что покойный Зибер в беседах с Вами, по всей вероятности, «объяснял явления» не триадой Гегеля, а фактами действительного хода жизни, анализом этих фактов, только Вы в полемическом увлечении не обращали на его аргументацию достаточного внимания; по крайней мере, мы, совершеннейшие профаны в философии Гегеля, не чувствовали и теперь не сознаем необходимости привлекать Гегеля с триадой к нашему спору с Вами; как же, думали мы, такой замечательно образованный человек, как Зибер, не знал русской действительности... Г. Бельтов в прим[ечании] на стр. 73—78 пишет: «Нам приходилось не раз беседовать с покойным (Зибера) и ни разу не слышали мы от него ссылок на диалектическое развитие». (Эти слова, как свидетельство, очень интересны, но односторонни, так как принадлежат марксисту, а с марксистами Зибер мог говорить иначе, нежели с Вами.) Но фраза, помещенная ниже*, — в высшей степени важна. — Если сопоставить эту фразу с Вашим отзывом о Зибере, как человеке малосведущем в философии, то различия, думается, не будет. Остается только одно, что Зибер при разговорах с Вами находился в таком беспомощном положении, что прикрывался философией, о которой не имели научного представления. Но г. Бельтов отнесся очень скептически к Вашему утверждению, что Зибер укрывался под сенью триады: «на мертвых валить все можно, и потому показание г. Михайловского неопровержимо»³. Можно было ожидать, что Вы после этого припомните некоторые другие «объяснения» Зибера при Ваших спорах и покажете, насколько эти объяснения, по Вашему мнению, были несостоятельны и какую важность в доказательствах Зибера имела именно триада Гегеля. К удивлению, Вы этого не сделали, а взяли под свою защиту знание Зибером «значения Гегеля в развитии новейшей экономики». «Можно ли допустить, говорите Вы, чтобы столь трудолюбивый и вдумчивый ученый, как Зибер, так-таки до конца дней своих не догадался о связи новейшей экономики с Гегелем, чтобы, даже наталкиваемый на этот сюжет разговорами, он не заинтересовался им и отделялся ответом: «Мне совершенно неизвестно значение Гегеля в новейшей экономике»? Вы утверждаете, что на это может быть только отрицательный ответ: «Зибера было известно значение Гегеля в развитии новейшей экономики; Зибер был очень заинтересован «методом диалектических противоречий». Это документально подтверждается статьей Зибера «Диалектика в применении ее к науке»⁴. «Статья эта, по Вашему свидетельству, составляет пересказ, даже почти сплошной перевод книги Энгельса «Dührings Umwälzung»⁵. Ну, а переведя эту книгу, остаться в совершеннейшей неизвестности значения Гегеля в развитии новейшей экономики довольно-таки мудро» (стр. 141). Таким образом, Зибер, во-первых, был несведущ в области философии, в которую был вовлечен Гегелем через посредство К. Маркса и Энгельса; но, тем не менее, в разговорах с Вами при малейшей опасности укрывался философской формулой Гегеля; во-вторых, Зибер знал гегелеву философию и диалектику только в том виде, какой они получили в философии и диалектике К. Маркса и Энгельса; но, тем не менее, он укрывался при всяких логических затруднениях за гегелеву триаду, эту — «общую абстрактную фор-

* Зибер «не раз сам говорил, что ему совершенно неизвестно значение Гегеля в развитии новейшей экономики». (Примечание Н. Федосеева.)

мулу». — Мы все-таки остаемся в недоумении. Если бы Зибер знал философию Гегеля, думаем мы, то он, вероятно, говорил бы о ней с Вами (или вернее, возражал бы Вам на Ваши нападки на нее) так же, как это делает г. Бельтов, человек, повидимому, знакомый с философией Гегеля. Если же Зибер знал философию Гегеля, «поставленного на ноги» К. Марксом и Энгельсом, то для него не представлялось решительно никакой необходимости укрываться в недостижимую «пустоту триады», — он не мог оставаться в спорах с Вами на почве идеалистической диалектики...

Как-то раньше, в начале полемики, Вы очень искусно, но нельзя сказать чтобы беспристрастно, воспользовались двумя признаниями Энгельса, что (1) при составлении «Манифеста» у них с Марксом были недостаточные знания экономической истории и что (2) труды Моргана дали «ключ к важнейшим, дотоле неразрешимым загадкам древней истории»⁶. Вы употребили эти признания для обличения наглости и смехотворности претензий основателей доктрины научного социализма, несмотря на то, что «Манифест» служит несомненным доказательством знания его авторами экономической истории, а признание Энгельсом громадного значения за трудами Моргана — беспристрастное констатирование факта. Но тогда Вы играли на словах «недостаточного познания», неразрешимая загадка при «известном состоянии науки» — совершеннейшему незнанию и поразительному легкомыслию. А теперь, в деле с Зибером, тем же приемом Вы доказываете противоположное: Зибер, переводя брошюру Энгельса против Дюринга (прибавим: еще раньше при переводе «Капитала» (в «Знании»), не мог не знать значения Гегеля, стало быть, он знал философию Гегеля и значение его диалектики. Мы на основании вышеуказанных соображений не можем согласиться с такими логическими заключениями. Или Зибер не знал философии Гегеля, а стало быть и не мог сослаться на нее; или знал ее только по Марксу и Энгельсу, а стало быть, не мог укрываться за «непреложную триаду» Гегеля, не мог оставаться на почве его диалектики...

* *
*

Пользуясь случаем, мы решаемся сделать несколько замечаний по поводу боевой кампании «Русского Богатства» против марксистов. «Русские марксисты», — так излагает *casus belli** г. Южакон, — обнаружили ту же (что и дарвинисты-социологи) основную ошибку (предпосылку о каком-то единственном коренном процессе общественного развития), те же логические приемы, тот же полемический задор, то же открытие давно открытой Америки и ту же частью сознательную, частью наивную службу кулачному праву. Двадцать лет назад пришлось воевать с эфемерным успехом незаконных сыновей дарвинизма. Повоевав теперь и с незаконными сыновьями марксизма... с лукавой задней мыслью» (10 кн., стр. 152)⁷. — Ваша клика большею частью тем и ограничивается, что выпускает подобные воинственные вопли, представляя Вам, как «герою», вести «настоящую борьбу», которой и рукоплещет в известных случаях. — С большим интересом мы прочли в январской книжке «Р[усского] Б[огатства]» за [18]95 г. о Вашем опасении насчет того, чтобы «вместе с немецкими влияниями к нам не проникла и традиционная немецкая грубость, осоловевшие еще собственной нашей дикостью, и полемика не превратилась» в площадную брань⁸. О, какая оскорбленная невинность! Вы первый выступили против русских марксистов во всеоружии брани, оскорбительных сравнений, искажений слов Ваших противников, словом, во всеоружии «обстреленного бойца». И теперь, после книжки г. Бельтова (возмерившего Вам тою же мерою, какую Вы мерили, но чуждого брани, ради ее самой) — Вы заговорили о

* Повод к войне. — *Ред.*

полемической порядочности, как фарисей, вспоминая о грехах мытаря, и выругавшись предварительно словами «царевны»⁹.

Куда погрузились Вы, прежний умный, отзывчивый, столь дорогой нам публицист «Отечественных Записок», близкий сотрудник Щедрина?! Сами ли Вы спустились в эту яму, затащили ли Вас туда Ваши товарищи и читатели «други»... или «недолюшка горькая загнала»?.. Не подумайте, что в нас говорит здесь чувство злобы. Нет, недовольство и негодование, как и искреннее желание и надежда разрешить «недоразумения», у нас (пишущих эти строки) пропали.— Этот вопрос возникает у нас уже не по поводу полемических и критических статей Ваших, касающихся русских марксистов, но по поводу политической физиономии Вашего журнала.— Вот г. Белевский поучает Ваших читателей: «Если бы экономическая политика не затрагивала интересов различных общественных групп, можно было бы с большим правом рассчитывать на торжество в ней начал, имеющих в виду интересы общегосударственные или, что то же, народные»¹⁰. В виду таких обстоятельств, автор сохраняет в своих экономических задачах «частную предприимчивость, промышленность и частновладельческое хозяйство». «Расширение народного потребления скажется в увеличении крестьянского спроса на фабрикаты... рядом с крестьянским хозяйством могут существовать и найдут при том почву под ногами некоторые виды частных хозяйств, напр. посвященные (!) выращиванию племенных животных, связанные с техническими производствами, культурой семян etc.» (стр. 19—20). Г-н Кривенко, — говоря о «необходимости обобществления производства и обмена, не того обобществления, которое больше сулит (как иной раз странно понимают «обобществление производства»)!, чем дает капиталистическое хозяйство, а более правильного и действительного», — указывает на различные меры к этому, предлагаемые различными последователями; но «меры эти, не будучи приведены между собою в связь и будучи применяемы в отдельности, без общего плана, существенных результатов не дадут и будут в некоторых случаях даже взаимно парализовать и уничтожат друг друга, но тем не менее (!) они остаются элементами обобществления, элементами, прямо возникающими из жизни, которые носят, так сказать, в воздухе (!)»... «Для обобществления производства у нас есть только три общественных союза, из которых каждый очень важен и без которых нельзя обойтись, это — община, земство и государство» (кн. 10, стр. 123)¹¹. — «Посмотрим вокруг себя, — предлагает г. Южаков, — чтобы остановить внимание наше хотя бы только на ближайших настоятельных, самых неотложных нуждах и задачах нашей внутренней жизни. Нет страны в Европе, где бы не был уже решен вопрос о всеобщем народном образовании; только мы попрежнему являемся страной (!) безграмотной и невежественной народной массы! Вопрос о всеобщем обучении уже поставлен, но надо время его решить. А наше экономическое положение, глубоко потрясенное общим земледельческим кризисом и протекционно-капиталистическим развитием? А Великая сибирская дорога? А дорога к Ледовитому океану, в Среднюю Азию, через Кавказ? А вопрос о регулировании отношений между окраинами и центром, тоже уже поставленный на очередь истории (!) и тоже требующий много свободного внимания и изучения? И многое другое... Мы только у преддверия правительственных и законодательных вопросов, уже настоятельно выдвигаемых жизнью, а вопросы общественные, культурные, литературные?» (кн. 12, стр. 149)¹². Наконец, г. Н. — он, нашедший приют у Вас, — недавно констатировал, что «все общество, все его слои, от верхних до нижних, стали проникаться одной идеей; несостоятельность прежней хозяйственной политики стала очевидной для большинства. Только это большинство не входит (?) в детальное рассмотрение вопросов, что, как и почему? Оно только видит, что не все в порядке, что общественные усилия должны быть направлены на не-

что совсем иное, а не на то, на поддержание и развитие чего они были направлены до сих пор» ([18]95 г., кн. 1, стр. 156)¹³. Проводите же, милостивые государи, Ваши планы идиллического существования крупных землевладельческих хозяйств, посвященных выращиванию племенных животных etc. и крупной капиталистической индустрии, проводите эти «идеалы» рука об руку с государством, земством и общиной, этими — «единственными у нас элементами обобществления производства и обмена»; мы видим, что Ваша душа полна радужных надежд, возбужденных появлением «новой идеи» * у большинства, от высших слоев и т. д. Вы полны упования, что «высшие слои и т. д.», большинство с восторгом откликнется на Ваши разъяснения: «что, как и почему»... Скатертью Вам дорога! А нам с Вами, господа наивные буржуа, — не по пути!.. Мы против наивных и реальных буржуа! — Юный К. Маркс давно-давно характеризовал двух прусских королей, одного старого, другого молодого, следующими замечательными словами, которые мы приведем без комментариев: «Старый король не хотел ничего экстравагантного, он был филистер и нисколько не претендовал на ум. Он знал, что обладание государством слуг нуждается единственно в спокойном прозаическом существовании. Молодой король был живее и бойчее — он был более высокого мнения о всемогуществе монарха, ограниченного только своим сердцем и своим умом». «Он захотел вдохнуть жизнь в старое государство и заставить его целиком проникнуться своими желаниями, чувствами и мыслями... Отсюда его либеральные речи и сердечные излияния... Заговорили идеалисты, имевшие бесстыдное желание сделать человека человеком... И вот снова была наложена опала на все желания и на все мысли людей о человеческих правах и обязанностях... Раб не может сказать, что он хочет быть человеком, господин не может сказать, что ему не нужно людей в его владениях... Вот история неудачной попытки уничтожить филистерское государство, оставаясь на его собственной почве: эта попытка кончилась тем, что наглядно показала всему миру необходимость скотства для деспотизма. Скотские отношения могут быть поддерживаемы только посредством скотства... Но я все-таки не отчаиваюсь в настоящем... Система промышленности и торговли, система владения и эксплуатации человека... ведет к разрыву внутри теперешнего общества и разрыву, которого старая система не в состоянии залечить... Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое угнетается, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства¹⁴...

Теперь несколько слов о критических статьях «Русск[ого] Богатства». Мы не поняли, каким образом у Вас вышло так, что Фр. Ницше явился ярким примером того, как мало подвинулось на Западе «обобществление»¹⁵. Мы несколько поняли бы пессимистическое настроение современной французской буржуазной интеллигенции, но Ницше, кажется, германский немец и еще полон «животной силы», хотя и неудовлетворен. Где же господа настоящие, имеющие право считаться таковыми? За современным европейским дворянством Ницше отказывается признать это право... Господами в Европе можно считать буржуа-капиталистов. Но что они не настоящие господа, в смысле Ницше, не природные повелители, это он уже заключает из того, что они не умеют и не могут внушить рабочим «пафоса расстояния». Если мы правильно поняли Ницше, по Вашему изложению его идей, то его, до известной степени, удовлетворил бы как личность, стремящаяся стать господином, — Штумм... Впрочем, мы не составили себе ясного пред-

* Уж не знамение ли времени и то, что гг. литераторы и публицисты удостоены звания государственных пенсионеров... Всех ли только их поместят или Вам попрежнему будут грозить «Киссоном», что-то Вы не ликуете по поводу «знаменательных фактов», беденькие... (Примечание Н. Федосеева.)

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ В ССЫЛКЕ
Фотография 1896 г., Сольвычегодск
Музей Революции СССР, Москва

ставления о Ницше из Ваших статей; но все-таки крайне удивлены, что он выставлен в качестве бомбы, взрывающей наше представление о развитии современного общества. Анархистов, правда, Вы могли противопоставить социал-демократии; но Вы забыли историческую перспективу: в минувшие исторические эпохи анархисты были и, вероятно, в большем числе, нежели теперь; часть из них просто резала и сжигала все то, что не давало им жить,— часть уничтожала себя (как у нас самосжигатели). Теперь анархизм выступил в платье XIX века (с наукой, более или менее ясным представлением о социальных противоречиях), но социальная подкладка его такого же характера, что и прежде.— Но неужели Вы думаете, что Ваша проповедь помещикам о необходимости посвятить хозяйства разведению племенных животных, заботы о всеобщей грамотности, о Великой сибирской дороге — устранят анархизм?! — Очень любопытен разбор «Начал политической экономии» г. Исаева в статье «Новый курс политической экономии»¹⁶. Но на этой статейке и замечательном приложении к ней, в виде краткой рецензии на второе издание книжки г. Исаева, мы не будем останавливаться; отметим лишь курьезную погоню Вашего журнала за «обобществлением» людей с другими взглядами, в данном случае реально-буржуазными,— и вытекающее отсюда недовольство: «Ради достижения этой цели — исправления (о, господи!) и пишутся критики, рецензии и разборы, а г. Исаев счел свой курс безупречным, может быть в виду его быстрой распродажи»... Г. Кривенко, — остановившись на громком соловьевском деле, которое он совершенно верно назвал «отражением нашей культурной и полукультурной жизни, нечто всем, если не близкое, то знакомое...», — характеризовал его общественное направление названием: «Без руля»¹⁷. Здесь явное доказательство, что деньги, нажива сделались «рулем и парусами» известных классов нашего общества, но г. Кривенко дело представляется проще и в более нежном свете, как «плавание по жизненному руслу без руля, под одними ветрилами личных вожделений, плавание без высшей (!) цели, без идеала, без всего (!) руководящего в жизни». Стоит, стало быть, соорудить надлежащий «руль» и дать «идеалы и что-нибудь руководящее в жизни» — и дело в шляпе! Таким же харак-

тером отличаются Ваши собственные статьи о французской и отчасти русской литературе.

Рецензент русского перевода книжки Энгельса «Происхождение семьи...» рекомендовал эту книжку как «очень умную и вообще достойную всякого внимания», но пожаловался на «чрезмерность категорического тона» Энгельса¹⁸. Для доказательства этого и для убеждения «колеблющихся» марксистов в необходимости «поверки положений и отрицаний Энгельса кое-какими другими сочинениями» — рецензент привел один пример чрезмерно категорического суждения Энгельса и сопоставил его с взглядом на тот же предмет г. М. Ковалевского. И, о чудо! пришел к такому заключению (категорическому): «мы в этом случае склоняемся к мнению Бахфена и Энгельса»... и больше ничего! А дальше только в высшей степени основательное замечание относительно неудовлетворительности русского перевода и одной курьезной ошибки. — Но вот явился г. Зак... нам, право, думается, что Вам, г. Михайловский, самому теперь стыдно (если Вы не читали прежде статьи г. Зака), что эта наглая (простите за выражение, но это беспристрастно) статья попала в Ваш журнал. Гг. Заки похоронят Вас во мнении всех Ваших «колеблющихся» читателей. — Мы не принадлежим к тем марксистам, созданным Вашей фантазией, которые отрицают необходимость читать книжки (и учиться по ним), не принадлежащие перу Маркса и Энгельса и их последователей. Охотно мы и от Вас и от других будем выслушивать всяческие замечания и поучения «от других апостолов», если только эти поучения будут основаны на знании дела, а не на вымыслах и искажениях, как у г. Зака. Что же касается совета г. Зака Энгельсу сделаться компилятором и бросить мечтания о будущем (в пользу полноты компиляции), то он, разумеется, смешон. — Это уже дело г. Зака. А вот г. Карышев «одному только (в области капиталистической индустрии) радуется, что в России рост числа рабочих все-таки, несмотря ни на что (т. е., между прочим, ни на страшные бедствия разоренного крестьянства, ищущего работы, ни на вымирание безработных, вымирание, распространившееся на многие губернии), не поспевает за ростом населения»¹⁹. Тут мечты о «будущем», несомненно, доминируют, и им подчиняется судьба миллионов бедствующего пролетариата, занятого и незанятого. Вот пригласите Вы гг. помещиков сделаться производителями чухонского масла для крестьян, вместе с государством и земством вставьте настоящий «руль», введете «действительное обобществление производства»... И это не мечты, это само «в воздухе носится». Тогда как, положим, свобода русских рабочих организаций — мечта: «пока солнце взойдет, роса очи выест» (впрочем, это сказано по поводу рассуждений г. Янжула о необходимости «рабочих союзов») («Р. Б.» 1895 г., кн. I, стр. 108—109)²⁰.

Вы лично продолжаете до сих пор очень оригинально эксплуатировать «философскую необоснованность и фактическую непроверенность теории экономического материализма»; г. Струве Вас удовлетворил несколько в этом отношении, но книжка г. Бельтова побудила Вас снова бить в набат по этому случаю. Не напрасно ли? Ведь г. Бельтов на стр. 212—216 говорит буквально следующее: «Даже в отношении к одному (ближайшему) историческому периоду предмет не исчерпан даже приблизительно»²¹. В этом он соглашается с Вами. Вам остается одно — показать нам и всем прочим свою «великую книгу». Статьи Ваши мы знаем, и Вы сами говорите о них, что они частью неудовлетворительны, большую частью не окончены и представляют собой крайне несистематизированный труд; мы по этому поводу не можем упрекнуть Вас, так как понимаем условия, при которых Вы работали.

Вы на все лады твердите о «русском марксисте»:

Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,

Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду...

Это — старые песни «старых авторитетов». — Вот какими чертами определял свое отношение к «старым авторитетам» Добролюбов: «Мы никогда не осмелились бы поставить свои личные убеждения выше мнений почтенных особ, пользующихся издавна авторитетом, если бы мы считали свои убеждения только собственной, личной нашей принадлежностью..., в нас достало бы столько благоразумия, чтобы не проповедывать в пустыне, чтобы не ломаться перед публикой в надежде привлечь ее внимание своей эксцентричностью... Нет, мы говорим, не обращая внимания на старые авторитеты, потому единственно, что считаем свои мнения отголоском того живого слова, которое ясно и твердо произносится молодой жизнью нашего общества. Может быть, мы ошибаемся, считая себя способными к правильному истолкованию живых, свежих стремлений русской жизни; время решит это. Но во всяком случае мы не ошибемся, ежели скажем, что стремления молодых и живых людей русского общества гораздо выше того, чем обольщалась в последнее время наша литература...»²².

«Прежние умные люди большею частью уже не существовали в то время, когда новые жизненные потребности приходили в силу; да и те, которые остались, все были заняты хлопотами о водворении своих начал, из-за которых они с молодых лет трудились и боролись; о новых вопросах они мало заботились, да и не имели довольно сил для того, чтобы разрешить их. Поэтому прежние умные люди, в виду новых требований новой жизни все усилия употребляя к поддержанию старых начал, смотрели на новые вопросы даже несколько презрительно (а людей, которые поднимали эти вопросы, обвиняли в намерении «лить кровь, как воду») ... Но, разумеется, события брали свое: новые факты образовывали новые общественные отношения и приводили людей к пересмотру прежних систем, прежних фактов и отношений. Все молодое, без труда, с малолетства усвоившее систему господствующих воззрений, чувствовало, разумеется, желание и свежие

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

Рисунок И. Е. Репина, 14 февраля 1900 г.

Собрание И. И. Бродского, Ленинград

силы для дальнейшей работы; вновь накопленные факты давали обильный материал, и молодое поколение принималось работать над новыми данными сначала еще... о щ у п ь ю... «Такова общая история вопросов науки и искусства при переходе их из одного «поколения» в другое»; такова именно история разрыва, как мы его понимаем, между старыми утопистами-социалистами, превратившимися теперь в наивных буржуа, и марксистами. Очень много поучительного мы могли бы извлечь из споров Добролюбова со старыми авторитетами, но место не позволяет этого, а мы и без того слишком злоупотребляли выписками.

«Отлично владея отвлеченной логикой, — скажем мы словами Добролюбова на прощанье, — Вы вовсе не знали логики жизни и потому считали ужасно легким все, что легко выводилось посредством силлогизмов»...

Извините, пожалуйста, нас за наше словоизлияние; оно, конечно, надоело Вам, и, кроме того, чтение «потока» таких писем, с беспорядочно разбросанными мыслями, вероятно, отнимает у Вас много времени, не принося ни малейшей пользы. Мы сами убедились в бесполезности этой системы споров; и это — в последний раз, что мы решились прибегнуть к ней. — Но, если возможно, не оставьте без ответа нашего запроса относительно Зибера.

И. В. Козин.

Н. Федосеев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федосеев имеет в виду следующее указание Н. К. Михайловского:

«Отстаивая этот тезис (тезис — «пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего путного у нас не будет». — Ред.), он (Зибер. — Ред.) употреблял всевозможные аргументы, но при малейшей опасности укрывался под сень непреложного и непрерываемого трехчленного диалектического развития. Так напр., опасности физического и духовного вырождения, которая и по Марксу (! — Ред.) грозит европейскому пролетариату, Зибер противопоставлял ничуть не меньшую опасность такого же вырождения нашего мужика — собственника при наличных условиях. А когда я возражал, что от дождя в воду нет резону браться, он говорил: все равно; другого пути нет» (см. названную книгу «Русской Мысли», статья Михайловского «Литература и жизнь», стр. 196).

² См. «Русское Богатство», кн. 3, 1894 г., «Хроника внутренней жизни», стр. 109.

³ См. книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву». СПб., 1895 г., стр. 77—78.

⁴ Статья Н. Зибера «Диалектика в применении ее к науке» помещена в журнале «Слово» за 1879 г.

⁵ «Dührings Umwälzung» («Переворот г-на Дюринга») — см. заглавие книги Фр. Энгельса «Анти-Дюринг».

⁶ Имеется в виду статья Михайловского в кн. 1 «Русского Богатства» за 1894 г., в которой он пишет: «Основные пункты «научного социализма» и теории экономического материализма были открыты, а вслед затем и изложены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов (имеется в виду Энгельс. — Ред.), нужные для такого дела познания были у них слабы» (см. стр. 106, а о Моргане — стр. 107).

⁷ В статье «Хроника внутренней жизни», где говорится, что «создалась целая литература социального организма и всяческого приложения дарвинизма к общественной жизни», дается такое подстрочное примечание: «Та же основная ошибка (предпосылка о каком-то единственном коренном процессе общественного развития), те же логические приемы, тот же полемический задор, то же открытие давно открытой Америки и та же частью, сознательная, частью наивная служба кулачному праву. Двадцать лет назад пришлось воевать с эфемерным успехом незаконных сыновей дарвинизма. Повоевав теперь и с незаконными сынами марксизма... Историческая сущность того и другого явления совершенно одна и та же, при чем, однако, основатели упомянутых доктрин не могут нести ответственность ни за усердие не по разуму одних, ни за лукавую заднюю мысль других якобы последователей» (см. «Русское Богатство», кн. 10, 1894 г., стр. 152).

⁸ См. статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь» в названной в тексте книге «Русского Богатства», стр. 139.

⁹ Автор письма имеет в виду приведенную Михайловским из А. Толстого ругань царевны по адресу «Потока-богатыря», чем Михайловский характеризовал приемы поле-

мики по его адресу со стороны Г. В. Плеханова в «Развитии монического взгляда на историю»: «Шаромыжник, болван, неученый холуй! Чтобы тебя в турий рог искривило! Поросенок, теленок, свинья, чортос сын, неумытое рыло!» и т. д. (см. «Русское Богатство», кн. 1, 1895 г., стр. 139).

¹⁰ См. статью А. Белевского «Задачи экономической политики в области сельскохозяйственного производства» в «Русском Богатстве», кн. 7, 1894 г., стр. 19.

¹¹ См. статью С. Н. Кривенко «К вопросу о нуждах народной промышленности» в «Русском Богатстве», кн. 10, 1894 г. Кривенко — народнический публицист, один из первых выступавший против русских марксистов. Ленин подверг Кривенко жестокой критике в «Друзьях народа» (см. Соч., т. I, стр. 517).

¹² См. статью С. Н. Южакова «Хроника внутренней жизни» в «Русском Богатстве», кн. 1, 1895 г., стр. 156.

¹³ См. статью Н. — о — н а «Апология власти денег, как признак времени» в «Русском Богатстве» 1895 г., кн. 1, стр. 156.

¹⁴ Цитата взята из письма К. Маркса к Руге (Кельн, май 1843 г.) (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 356—358).

¹⁵ Имеется в виду критический обзор Н. К. Михайловского о Ницше в кн. 12 «Русского Богатства» за 1894 г. под заголовком «Литература и жизнь» (стр. 84—110).

¹⁶ См. рецензию В. Г. Яроцкого «Новый курс политической экономики (А. А. Исаев, «Начала политической экономии»)» в «Русском Богатстве», кн. 2, 1894 г., стр. 20—31.

¹⁷ См. статью С. Н. Кривенко «Без руля» (Заметка по поводу процесса графа Сологуба) в «Русском Богатстве», кн. 6, 1894 г., стр. 188.

¹⁸ См. статью Л. Зака «Исторический материализм» (Фр. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства») в «Русском Богатстве», кн. 1, 1895 г., стр. 1—34.

¹⁹ См. статью Н. А. Карышева «Народнохозяйственные наброски (XI. Из области нашей фабричной статистики. XII. Современные течения в крестьянском хозяйстве Нижегородской губ.)» в «Русском Богатстве», кн. 2, 1894 г., стр. 15.

²⁰ В указанной в тексте письма книге «Русского Богатства» приведена рецензия на книгу И. И. Янжула «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки».

²¹ См. книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. 1895 г., стр. 115.

²² См. статью Н. А. Добролюбова «О значении авторитета в воспитании» (Собр. соч., т. I, стр. 259—286).

К. Сидоров

II. [СТАТЬЯ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА О ПОЛКОВНИКЕ ПИРАМИДОВЕ]¹

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК

(Начальник С.-Петербургского охранного отделения полковник Пирамидов)

Свою службу в охране царского самовластия и господства капиталистов Вл. Пирамидов начал в Москве в чине ротмистра кажется при Московском жандармском управлении. В 1887 г. в том же чине он был переведен в Одессу. Здесь он вскоре выдвинулся в глазах правительства как ловкий сыщик и искусный следователь. За политические дела Кобермана и Гольдендаха (89—91 г.), Морозова (92 г.), Циперовича, Нахамкеса и др. (94 г.) его произвели в чин подполковника и назначили начальником Одесского жандармского управления (93 г.). Большое дело одесских артельных рабочих (95 г.) и рабочее дело Кобгена, Кульчицкого и др. (96 г.) настолько прославили его, что правительство решило, что только он, Владимир Пирамидов, может задушить могучее революционное движение среди рабочих в Петербурге. С января 97 г. Пирамидов назначен начальником Петербургского охранного отделения. Ему поручено дело борьбы за охрану политического господства хозяев-эксплоататоров, защищаемых царским самодержавным правительством. Ему поручено следовательно дело борьбы петербургских рабочих. В виду этого мы находим не-

лишним познакомить петербургских товарищей с новым жандармом и рассказать им, какие средства он употреблял для борьбы с одесскими рабочими.

Пирамидов не мог конечно нанести более или менее тяжелого удара рабочему движению в Одессе, и наши одесские товарищи могут с гордостью сказать, что рабочее дело развивается у них довольно широко и крепко. Пирамидов, окруженный шайками жандармов, нападал на наших одесских товарищей преимущественно в ночное время. Нападал на них и тогда, когда они мирно читали «запрещенные» цензурой книги и газеты и когда они обсуждали на собраниях кровные вопросы рабочего люда. Прежде чем налететь с обыском, Пирамидов выслеживал через шпионов, кто с кем знаком, кто более других образован, кто пользуется влиянием и у кого хранятся книжки. Словом, Пирамидов делал все, что делает любой жандарм русской земли. Через своих шпионов Пирамидов ничего не узнавал, так как рабочие при известной степени осторожности и наблюдательности легко укрывались от шпионов. Обыкновенно Пирамидов арестовывал сразу массу людей, заключал в тюрьму целые семьи в надежде, что дети, из жалости к отцу или матери, выдадут себя и своих товарищей. С этой целью он арестовывал стариков (например 64-летнего рабочего Письменова, арестовал мать Корнблюма с четырьмя детьми); он прибегал к аресту малолетних как к верному средству разыскать корни и нити (например он арестовал 14-летнюю девочку Дору Штейнраух и продержал ее в тюрьме более месяца; 12-летний Корнблюм до сих пор сидит в тюрьме). На допросах в присутствии товарища прокурора Пирамидов прежде всего старался подорвать у обвиняемого веру в товарищей, ложно уверяя, что они выдают его, выгораживая себя. С этой же целью он заводил с прокурором «секретный разговор» (так, чтобы допрашиваемый ясно слышал его) о том, что такой-то сознался на допросах и выдал своих товарищей; случалось, что арестованным писались подложные записки, идущие якобы от товарищей, с помощью которых старались сбить с толку обвиняемых; например недавно жандармам удалось обмануть многих рабочих, известив их, что один из товарищей будто бы бежал за границу; обманутые в своих показаниях валили все на этого товарища, который в действительности доселе сидит в тюрьме. Если такой прием не удавался, Пирамидов начинал клеветать товарищам интеллигентам на товарищей рабочих, что рабочие-де «дрянь, пьяницы, пропивают даже нелегальшину, которую вы им даете, вы полагаете за них душу, а они ни за грош вас продают»; при этом нагло лгал, рассказывая, что как теперь, так и в прежних делах стоило продержать рабочего в тюрьме, и он валился в ноги и умолял: «простите, ваше высокоблагородие, я все расскажу». И в то же время клеветал рабочим на интеллигентов, что последние-де обманывают рабочих, стремятся к каким-то собственным своекорыстным целям.

Кроме того он несколько раз в более или менее прикрытой форме предлагал арестованным сделаться его шпионами (за такие предложения его неоднократно собирались побить).

Если все эти хитрости и подвохи не удавались, Пирамидов начинал запугивать обвиняемых тяжелыми наказаниями, которые будто бы ожидают их; грозил каторгой, Шлиссельбургом, каменным мешком, виселицей и розгами.

Когда не удавалось вынудить у обвиняемого признания, Пирамидов делал пруб, нахально кричал, топал ногами, ругался площадной бранью, выгонял с допроса с криком «ступай к чорту, сиди!»

Чтобы измучить арестованного, заключенного в одиночку, Пирамидов месяцев по пяти не разрешал прогулок на чистом воздухе, заколачивал на-

Н. Е. ФЕДОСЕЕВ В ГРОВУ
Фотография 1898 г., Верхолеск
Музей Революции СССР, Москва

глухо оконные форточки, не разрешал свиданий с родными, не разрешал чтения своих книг (давал только молитвенник и жития святых), не давал письменных принадлежностей, позволял писать не чаще, как в две недели раз и не более четверти листа (письмо на поллиста он не пропускал как слишком длинное). Тюремной страже приказывал отбирать табак, стол и т. п. Жалобы на грубое обращение тюремного начальства оставлял без ответа; например одного рабочего Карташова при жандарме Лыкове и четырех полицейских помощник тюремного начальника ударил по шее. Жалоба по обыкновению ни к чему не привела.

Если Пирамидов замечал, что обвиняемый человек самолюбивый, горячий и не особенно разумный, то начинал перед ним расхваливать революционное движение, восхищался умелостью и опытностью вождей, сулил скорую победу и, втянув таким способом собеседника в разговор, выводил о его собственной деятельности и узнавал фамилии товарищей.

Кто не поддавался на эту глупую удочку, тех он старался рассердить, обвиняя в трусости. «Трус вы! только на свободе и умеете болтать языком да подстрекать других, а как попали в тюрьму, так сразу и струсили, от всего отказываетесь. Только и слов у вас на языке — не знаю, не возил, не бывал». За это один из арестованных назвал его шантажистом, прохвостом и мерзавцем.

Пирамидов кроме того старался действовать на арестованных через их родителей и жен, убеждая писать детям и мужьям о необходимости чистосердечного раскаяния и выдачи товарищей.

При допросах Пирамидов (и его ученик Берг) обыкновенно не давали грамотным рабочим записывать свои показания и заносили в протокол все, что им вздумается; подписывать протокол давали часто спустя недели две и даже четыре после допроса. В тех случаях, когда писал протокол сам арестованный, жандармский офицер и товарищ прокурора старались диктовать не то, что говорил арестованный.

Наконец следует отметить еще следующий прием Пирамидова. Он освобождал иногда из тюрьмы арестованных с целью выследить знакомства

и связи его с другими. Так он временно выпустил из тюрьмы Аникова и Коншина, с этой же целью он задержал в Одессе двух рабочих против их желания и вопреки приговору, по которому они оба подлежали высылке из Одессы на родину.

В известных случаях Пирамидов умел прикидываться «добрячком»; он ласково и вежливо предлагал арестованному чай и папиросы (при этом предупредительно успокаивал: «не бойтесь, я не подмешиваю дурмана»).

Любил поболтать языком. Начинал например беседу о том, что он тоже рабочий человек: «у вас мозоли от топора, а у меня от пера — оба мы люди рабочие. Я тоже бываю занят по 8—10 часов в день». Однажды, беседуя таким манером с рабочим, Пирамидов сказал: «Я найду себе место и в республике». Рабочий выразил сомнение по этому поводу: «Когда у нас будет республика вы не будете «служить». — «Где же я тогда буду?» — «Будете висеть где-нибудь на воротах», ответил ему рабочий.

Но пока что Пирамидов в качестве опытного следователя и ловкого сыщика призван спасать эксплуататоров и их царя от грозной растущей силы организованных петербургских рабочих. Человек этот маленького роста, со злой, нахальной физиономией, с рыжими бакенбардами, реденькими прилизанными волосами на голове; глаза у него всегда, даже когда он притворяется честным, воровски, «невытко» (быстро) шмыгают по сторонам.

Из достоверных источников знаем, что Пирамидов намерен производить массовые погромы², захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими людьми³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди оставшихся после Н. Е. Федосеева писаний, до сих пор ни разу не переиздававшихся, есть исчерпывающая характеристика жандармского полковника Пирамидова, напечатанная в нелегальном «Листе Работника» за 1898 г., № 5.

Нелегальный «Листок Работника», издававшийся «Союзом русских социал-демократов», до № 9—10 редактировался группой «Освобождения Труда». В связи с разногласиями в оценке очередных задач рабочего движения, группа «Освобождение Труда» после № 10 отказалась от редактирования, и «Листок» перешел к «рабочедельцам» — Б. Кричевскому и Теплому, — изменив вскоре свое название.

Основанием для приписывания этой статьи Н. Е. Федосееву является прямое указание, данное в «Искре» за 1901 г., № 7. В статье «Умер Пирамидов», к сожалению с нераскрытым авторством, посвященной неожиданной смерти Пирамидова, есть такие строки: «В напечатанном в «Листке Работника» (№ 5) «Послужном списке полковника Пирамидова», составленном безвременно погибшим в ссылке товарищем Федосеевым, предсказывалось, что Пирамидов в своей новой должности «намерен производить массовые погромы», захватывая разом не только подозреваемых в революционной деятельности, но и всех знакомых с такими лицами» (перепечатано в издании Госиздата «Искра», вып. I, изд. 1925 г., стр. 143).

Номер 5 «Листка Работника» имеет дату: январь 1898 г. В это время Н. Е. Федосеев был уже в сибирской ссылке. По всему содержанию статьи видно, что автор заканчивает характеристику известного тогда жандарма временем назначения Пирамидова начальником Петербургского охранного отделения, т. е. началом 1897 г. Но так как до весны 1897 г. Н. Е. Федосеев пребывал в московской пересыльной тюрьме, то повидному там же он мог от ряда высылаемых товарищей получить материал об известном охраннике. В «Искре» потому и говорится, что «Послужной список» Пирамидова «составлен» Федосеевым, т. е. обработан по собранным материалам. По словам Н. А. Самойлова, свою статью «Историческая справка об освобождении крестьян» Н. Е. Федосеев прислал из Бутырской тюрьмы (Н. А. Самойлов, «Самарский Вестник», Из истории марксистской журналистики». Изд. 1931 г., стр. 60). Можно сделать предположение, что и заметку о жандармском полковнике Пирамидове он каким-либо образом направил из этого же места своего заключения.

Быть может не случайным является то обстоятельство, что Н. Е. Федосеев взялся написать статью именно на такую тему. Н. Сергиевский в своих воспоминаниях говорит: «Надо заметить, что Н. Е. жандармов ненавидел всей глубиной своей души, что он и не считал нужным скрывать перед жандармами... Когда он говорил или писал о жандармах, он называл их не жандармами, а «мерзавцами», — иного имени для них у него не было» (Сборник «Н. Е. Федосеев», изд. 1923 г., стр. 40—41).

² Предсказания Н. Е. Федосеева относительно «массовых погромов», которые произведет Пирамидов, оправдались полностью: в статье, напечатанной в «Искре», перечисляются все жандармские налеты Пирамидова, произведенные в столице за период 1897—1901 гг.

³ В своей книге «Из истории моего бытия» С. Канатчиков рассказывает о том, какой трепет Пирамидов нагонял на новичков в революционном движении. «Не хотелось попасть на допрос к Пирамидову, начальнику жандармского управления, о котором и нелегальные газеты писали, и интеллигенция на кружках говорила, что он «на три аршина в землю видит» (С. Канатчиков, Из истории моего бытия, изд. 1929 г., стр. 108).

В 1901 г. жизнь полковника Пирамидова оборвалась на 46-м году самым неожиданным образом. 22 июля этого года происходил спуск выстроенного броненосца «Император Александр III». В то самое время, когда было дано приказание к спуску судна, налетел шквал с ливнем. Этим ураганным ветром сорван был большой флаг. Тяжелым флагштоком, отнесенным ветром в места для зрителей, разом ударило по головам нескольких человек. Самый тяжелый удар пришелся на Пирамидова. Ему пробило голову. Стремясь к картинности, нововременский репортер по этому поводу пишет, что Пирамидов «беспомощно склонился за борт эллинга, окрасив борт, убранный флагами, огромным кровавым пятном» («Новое Время» 1901 г., № 9116).

На основании газетных сведений того времени «Искра» писала: «Герою тридцати с лишком походов против внутреннего врага были, само собой разумеется, возданы должные почести... Пирамидова почтили венками некоторые великие князья и королева эллинов. Так все прочнее скрепляются узы между царским престолом и жандармским застенком. И будут эти узы скрепляться до тех пор, пока разыграется буря, сорвав царский флаг, и не раздавит на месте многоголовую царскую гидру. Для петербургских рабочих имя Пирамидова будет всегда связано с первым периодом их массового выступления на путь классовой борьбы как имя бессовестнейшего и беспощаднейшего из царских палачей» («Искра» 1901 г., № 7).

Редакция